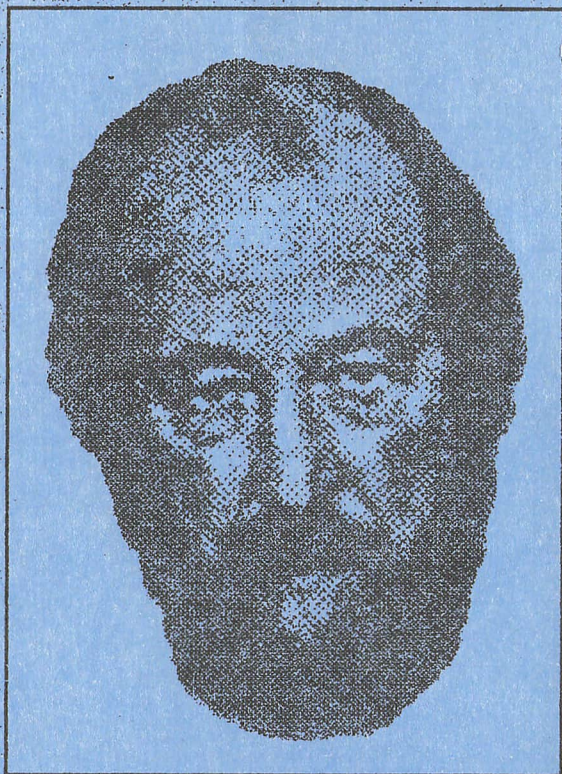

ОСТРОВ

Литературно-художественный альманах

№1

Берлин 1994

ОСТРОВ

**Независимый
публицистический
и литературно-
художественный
альманах**

Выходит с июня 1994 года.

**Главный редактор
Вячеслав СЫСОЕВ**

Редакционный совет:

**Юрий Гинзбург,
Ольга Гура,
Эрик Ершун,
Евгений Попов,
Дмитрий Сорокин,
Лариса Сысоева**

Адрес редакции:

**«OSTROV»,
Dimitroffstrasse, 4
10435 Berlin, Germany**

**tel. (030) 442 58 30
(030) 494 99 75**

**Редактор-составитель
Оформление и макет**

**Лариса Сысоева
Дмитрий Сорокин**

В оформлении использована графика Вячеслава Сысоева.

Издание осуществлено при участии немецко-русской книготорговой фирмы «ГЕЛИКОН»

© «Остров», 1994

Как появился «Остров»

Вместо предисловия

Безумная идея — издавать еще один журнал в эмиграции — родилась года два назад. Она не воплощалась по многим причинам, как материальным, так и чисто техническим. Было мало материалов, не было концепции. Потом понемногу высветлилось: писать и искать материалы о политике — дело бессмысленное. Ситуация на родине меняется так стремительно, что даже столичным российским журналистам не угнаться за событиями. Что уж говорить об эмиграции, куда пресса доходит с недельным опозданием, а информация другого рода скудна и ограничена минутными репортажами.

Потом кто-то сказал — «Остров». Все-таки мы — на острове. Русские. Русскоязычные. Русскоговорящие. Русскодумающие. Поодиночке отплывшие от родного материка. И хотя наш остров оказался вполне обитаемым, все равно по утрам, даже если все окна на запад, первый взгляд всегда — на восток (опять же Ost), на Большую землю, поверх границ, поверх барьеров, через ров — восточный ров — Ост-ров. А ведь когда-то Берлин и в самом деле был окружен водой, защитным ровом...

Вот и Солженицын возвращается в Россию. Сам-то он, Александр Исаевич, — ужель не остров, дрейфующий вспять, к своему архипелагу? Не беремся судить, что из этого дрейфа выйдет — и более сведующие люди не хотят комментировать это событие...

Потом приехал знакомый и подарил новенькую пачку «Беломора», купленную в Москве. Таким образом выяснилось, что в табачных ларьках наряду с «Кэмэлом» и «Мальборо» можно по-прежнему купить и изделие фабрики «Ява», класс пятый, ГОСТ 1505-81. Оказывается, тысячи курильщиков этого изделия, как и раньше, курят папиросы, выпущенные в честь Беломорско-Балтийского канала им. Сталина, на строительстве которого погибли тысячи, десятки тысяч человек. Переименовывая станции метро, улицы и города, новые власти забыли о никотине! Хотя несуществующий Минздрав СССР по-прежнему предупреждает, что курение опасно для нашего здоровья.

Вот по всем этим причинам, читатели, на обложке первого номера «Острова» и помещен портрет «вермонтского отшельника», возвращающегося на родину. На фоне пачки «Беломора». Будет ли полезен «Остров» для вашего здоровья — судить не нам.

*Май 1994
Берлин*

Послесловие к предисловию

Время в России бежит быстрее, чем где-либо. Еще не вышел первый номер «Острова», а предисловие уже устарело, поскольку Солженицын вернулся в Россию, и не через Спасские ворота, а высадившись в Магадане. Западная пресса и ТВ два дня довольно живо обсуждали это событие, но потом, по своему обыкновению, выдохлись и переключились на очередные сенсации. В России же прибытие А.С. встретили так, как и должны были встретить в пост-большевистской стране: с восторгом и почтением, с усмешкой и затаенным недоброжелательством, с самыми разными прогнозами относительно его дальнейших шагов. А газета «Московский комсомолец» написала, что он опоздал на самолет, а также на поезд и пароход.

Кто-то уже выразил опасение, что вокруг имени писателя создается культ личности. Чего-чего, а этого опасаться не стоит. Вспомните нашу недавнюю историю. Чей культ личности мы пережили? Сталина — Хрущева — Брежнева. Неужели злопыхатели могут сравнить писателя, в таланте которого сегодня, кажется, никто не сомневается, с ничтожествами, которые нами правили? Той гоп-компании при отсутствии присутствия интеллекта культ был необходим, как и всем ущербным партайгеноссе. Неужто Александр Исаевич будет счастлив, увидев на ростовщине бронзовый бюст «героя»? Или будет цеплять себе маршальскую звезду?

Не будет этого, а будет то, что и должно быть по определению: заигрывание властей, приглашение к интеллектуальной игре — перетягиванию политического каната. И, скорее всего, отторжение от телевидения и печати, которые и поныне принадлежат государству. Будет обида начальников-демократов, либералов, независимых — всех тех, кто рвется к власти и делит власть. Еще и недели не прошло, а А.И. уже выдал по первое число и приватизаторам и демократам. То ли еще будет, когда он доедет до Москвы!

Как бы его бронепоезд вообще не завернули до подхода к столице на запасные пути... Удел такой личности ясен: одиночество, кучка друзей, равнодушные масс, озлобление лишенных аудиенции, шипение изруганных, может быть, новые 12 чемоданов компромата. В общем все, что положено живому гению на Руси.

Хуже от всего этого Солженицыну не будет: и не такое испытал. Хуже будет нам всем, до сих пор твердо знающим, что нам не нужны ни провидцы, ни учителя. Нам, не покаявшимся и забывшим в суете дней а том, как и почему умер Сахаров, не интересующимся, как доживают век те зеки, которые 30 лет назад пытались делать перестройку.

Слава Богу, что нашелся среди нас один, который многое знает и все помнит. Но думать за нас он не будет...

*Июнь 1994
Берлин*

Обмен духовными ценностями

О зарождении Вашего альманаха рассказал мне Евгений Попов — прекрасный писатель и очень милый мне человек. Всё, что он мне рассказывал, меня обрадовало. Уже больше десяти лет существует наш «Вуппертальский проект» — рабочая группа при Вуппертальском университете, исследующая историю «взаимного узнавания русских и немцев». Главный вывод, к которому мы пришли за эти годы: нет в мире другого примера такой неразрывной связи двух разных народов, прежде всего, именно духовной связи. Политические, экономические, все многообразные материальные отношения бывали и недолговечны и противоречивы и враждебны. А духовные связи, олицетворённые, воплощённые в дружбе Готфрида Лейбница и Петра Великого, Михайлы Ломоносова и Кристиана Вольфа, Гёте и Жуковского, Рильке, Цветаевой, Пастернака, Генриха Бёлля и многих современных русских писателей, были всегда плодотворны, их не могли ослабить ни две мировые, ни сорокалетняя холодная война. Чем шире, чем глубже и многообразнее будут развиваться наши знания друг о друге, чем больше немцев и русских будут участвовать в постоянном живом обмене духовными ценностями, тем легче будет жить всем народам Европы. Желаю Вашему журналу как можно больше читателей, самых лучших авторов, всего самого доброго и в этом и в новом столетии.

Лев Копелев

Кёльн

Von der Gründung Ihrer Zeitschrift hat mir Jewgenij Popow erzählt — ein wunderbarer Schriftsteller und enger Freund. Was er mir erzählte, hat mich sehr erfreut. Schon seit mehr als 10 Jahren besteht unser "Wuppertaler Projekt", eine Arbeitsgemeinschaft an der Wuppertaler Universität, die die Geschichte des "gegenseitigen Kennenlernens der Deutschen und der Russen" erforscht. Die Hauptschlussfolgerung, zu der wir in diesen Jahren kamen ist die, dass es auf der Welt kein anderes Beispiel für eine so unauflösliche schicksalshafte Verbindung zwischen zwei unterschiedlichen Völkern gibt, dies betrifft insbesondere die geistigen Bande. Die politischen und wirtschaftlichen Beziehungen, die verschiedensten materiellen Verbindungen waren nicht von langer Dauer und widersprüchlich, gar feindlich. Doch die geistigen Bande, verkörpert in der Freundschaft zwischen Leibniz und Peter, dem Großen, Michail Lomonosov und Christiane Wolff, Goethe und Shukovskij, Rilke, Zwetajewa und Pasternak, Heinrich Böll und vielen zeitgenössischen russischen Schriftstellern waren immer fruchtbar, und weder zwei Weltkriege noch 40 Jahre des Kalten Krieges konnten ihnen etwas anhaben.

Je breiter, je tiefer und vielfältiger unsere Kenntnis voneinander sich entwickeln wird, je mehr Russen und Deutsche am ständigen lebendigen Austausch geistiger Werte teilhaben werden, desto leichter wird das Leben für alle Völker in Europa.

Ich wünsche Ihrer Zeitschrift möglichst viele Leser und möglichst gute Autoren und verbinde damit die allerbesten Wünsche für dieses wie auch für das kommende Jahrhundert.

Лев Копелев

Кёльн

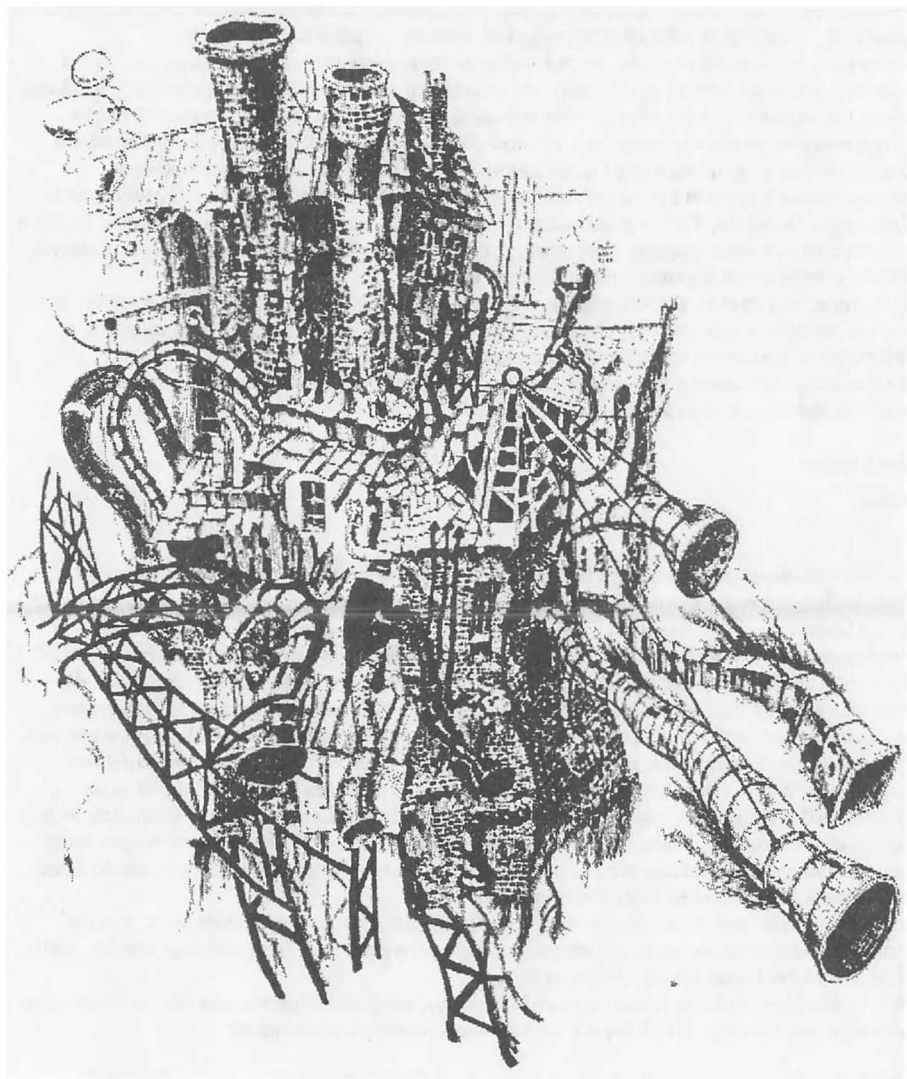

Рис. Анатолия Ясинского

Белла Ахмадулина

Два стихотворения

Постоялец вникает в реестр проявлений
благоклонной судьбы.

Он польщен, что прощен.
Зыбкий перечень прихотей, прав,

привилегий
исчисляющий — знает, что он ни при чем.
Вид: восстанье и бой лежебок-параллелей,
кривь на кось натравил геометра просчет.
Пир элегий соседствует с паром варений.
Это осень: течет, задувает, печет.
Все сгодится!

Пришедший не стал привередой.
Или стал? Он придирчиво список прочтет.
Вот — читает.

Каких параллелей восстанье?
Это просто! Залив, возлежащий плашмя,
ныне вздыблен. Обрато небес нависанье
воздыманью воды, улетанью плаща.
Урожденного в не суверенной осанке,
супротивно стене своеволие плюща.
Золотится потатчица астры в стакане,
бурелома добытчица рубит сплеча.
Потеплело — и тел кровопьющих останки
им расплющил, танцуя и рукоплеща.

Нет, не вздор! Комаров возродила натура.
Бледный лоб отвлекая от высших хлопот,
в освещенном окне сочинитель ноктюрна
грациозно свершает прыжок и хлопок
и, вернувшись к роялю, должно быть:

„Недурно!“ —

говорит, ибо эта обитель — оплот
одиноких избранников. Вялся откуда
здесь изгой и чужак, возымевший апломб

молвить слово... Молчи!

В слух отверстый надуло
рознью музык в умах и разъятем эпох
на пустых берегах. Содержанье недуга
не открыто пришельцу, но вид его плох.

Что он делает в гордых гармониях чужбине?
Тридевятая нота октавы, деталь,
ей не иужная, он принимает ушибы:
тронул клавишу кто-то, охочий до тайн.
Опыт зеркала, кресел ленивых ужимки —
о былых обитаньях нескромный доклад.
Гость бормочет:

слагатели звуков, ушли вы,
но оставили ваш неусыпный диктант.
Звук-подкидыш мне мил.

Мои струны учтивы.
Пусть вознянчится ими детеныш-дикарь.

Вдоль окраины моря он бродит, и резок
слуэат его черный, угрюм капюшон.
Звук-приемыш возрос.

Выживания средством
прочих сирых существ
круг широкий прельщен.
Их сподвижник стеснен
и к тому же истерзан
упомянутым ветролюбивым плащом,
да, но до — божеством боязливым.

О, если б
не рояль за спиной и за правым плечом!
Сочинитель ноктюрна следит с интересом
За сюжетом, не вовсе сокрытым плющом.

Тому назад два года, но в июне:
„Как я люблю гряду моих камней“, —
бубнивший ныне чужд, как новолюдые,
себе, гряде, своей строке о ней.
Чем ярче пахнет яблоко на блюде,
тем быстрый сон о Бунине темией.

Присившемуся сразу же несносен,
просиувшийся свой простоватый сон
так опроверг: вид из окна на осень,
что до утра от зренья упасен,
иа яблок всех невидимую осьпшь —
как яблоко слепцу преподнесен.

Для краткости изваяна округа
так выпукло, как школьный шар земной.
Сиди себе! Как помысла прогулка
с тобой поступит — ей решать самой.
Уж знать не хочет — началась откуда?
Да — тот, кто снился, здесь бывал зимой.

Люблю его с художником свиданье.
Смеюсь и вижу и того, и с кем
не съединило пресных пользъ съеданье,
побег во снег из холодных стен и схем,
смех вызволения, к станцин — сюда ли?
а где буфет? как блещет белый свет!

Иль пайщик сна — табак, сохранный в грядке?
Ночует ум во дне сто лет назад,
уж он влюблен, но встретится навряд ли
с ним гимназистки безмятежный взгляд.
Вперяется дозор его оглядки
в уездный город, в предвечерний сад.

Нюх и цветок сошлись не для того ли,
чтоб вдоха кругосветного в конце
очнулся дух Кураевых торговли
на площади Архангельской в Ельце
и так пахнуло рыбой, что в тревоге
я вышла в дождь и холод на крыльце.

Еще есть жизнь — избранников услада,
изделье их, не меньшее, чем явь.
Не дом в саду, а вымысел-усадьба
завещана, чтоб на крыльце стоять.
Как много тайн я от цветка узнала,
а он всего лишь слово с буквой „явь“.

Прочнее блеск воспетого мгновенья,
чем то одно, чего нельзя воспеть.
Я там была, где зыбко и неверно
паломник робкий усложняет смерть:
о, есть! — но, как святая Женева,
ведь не вполне же, не воочью есть?

Восьмого часа исподволь. Забыла
заря возжечься слева от лица.
С гряды камней в презрение залива
обрушился громоздкий всплеск пловца.
Пространство отчужденно и брезгливо
взирает, словно Бунин на льстеца.

Виктор Соснора

Интимная сага

1. В мире царит справедливость.

Она царит:

в тюрьмах
в казармах
в больницах

Справедливость существует лишь в этих трех измерениях, потому что там все люди равны, то есть, каждый сам по себе равен нулю.

2. В этой больнице была какая-то замаскированная зелень.

Листья висели, как вялые огурцы.

6 марта 67 года.

Я шел в шинели образца Порт-Артура по бильярдным аллеям больницы,

Я шел под конвоем фельдфебеля медицины,

Я,

новобранец,

объявленной — всем! всем! всем! — Всемирной Войны,

Я, уже не гражданин СССР, а почти небожитель.

Передо мной открывалась перспектива:

1) В никелированной колеснице по больничной аллее скакал паралитик моего поколения с лохматой и ласковой мордой, как чудо-юдо из сказки «Аленький цветочек».

Он сообщил мне:

— Стой, двуногое недоразуменье!

Мои ноги отнялись.

Никто их не отнимал у меня, это они сами.

Они нетрудоспособны, но я их зачем-то таскаю на колеснице.

В этом я вижу символические параллели:

Ноги мои — как наш пролетариат — не работают, но существуют.

И, указательным пальцем указывая на фигурки, он захохотал:

— Тише! Они меня боятся. Я ваш социолог!

Это был не сумасшедший, а так, немножечко паралитик.

2) Из окна операционной талантливая невидимка исполняла все гаммы Сумак и Пиаф. Там лежала белая девушка с фарфоровым телом, и живот у нее был распахнут, как роза.

3) Инвалид на одной ноге танцевал балет Майи Плисецкой.

И пролетающей мимо мимозке — медсестре — он помнил ее — Люсенька! — и сказал:

— Ваше лицо напоминает мне чье-то чудесное лицо.

— Чье же?

Люсенька мне подмигнула из-под красного крестика, из-под косынки.

— Ваше лицо — точь-в-точь лицо вратаря из команды «Молдова».

4) Два паралитика несли на носилках полужнакомый труп.
 В зубах у них было по сигарете «Шипка».
 У одного гиганта сигарета пылала, как мираж морских
 заключений.
 Другой практикант — негритенок — не прикурил с перепугу.
 Я вспомнил:
 Это был труп иностранца с инфарктом.
 Пока у него узнавали анкетные данные, он почему-то потихонечку
 умер в приемной.
 С него позабыли снять кислородную маску, так и несли с
 кислородной маской, как труп водолаза.

5) Два мушкетера в тюремных пижамах. Двойники Арамиса и
 Д'Артаньяна пробежали взволнованно по поляне, и один быстро-
 быстро признавался другому:
 — Я еще никогда не был пьяным.
 Что такое напиться — для меня секрет. Д'Артаньян подпрыгнул, как
 кенгуру:
 — Сейчас мы купил пару бутылок бренди, и ты в две минуты
 разгадаешь страшную тайну твоего секрета.

3. На японских деревьях висели колечки солнца.

Пролетала в колечки красавица птичка. Ах ты, птичка, проталинка-
 птичка:

— Чем питаешься ты в Петербурге, в граде Кранкебурге?

Солнцем стареньким? Небом молочным? Как ты скармливаешь птенцам
 трамвайный билетик, подсчитав предварительно:
 счастливый или несчастливый?

не улетай!

братец твой — ангел на Петропавловском шпиле все улетал и не сумел.

Правда!

4. *«Нас было четыре сестры, четыре сестры нас было».*

М. Кузмин.

В нашей палате нас было четыре.

Иван Исаевич Кузьмин — весь весельчак. 97 лет, у него был белый череп
 с усиками на безгубом лице.

Няня кормила его с руки, как голубка. После отбоя он пел колыбельные
 песни голосом барса.

Люсенька, медсестра, которая ставит катетеры, тронула свеженьким
 пальчиком вершину его интимной детали.

И деталь подняла свою римскую голову.

И держалась деталь, но не шевелилась — кобра на олимпийском хвосте.

Четырежды Люсенька пыталась просунуть резиновую трубку и четырежды
 кобра бунтовала, как юноша Декамерона.

— Кто ты, дедушка? — Люсенька растерялась.

— Я герой трех революций и четырех войн.

А в мимолетных антрактах

После общественных сдвигов и перед гражданскими потрясениями,
Я, как и все мы, сидел.

Я сидел:

С народовольцами, в камере Александра Ульянова, в ссылке со Сталиным, с большевиками, с эсерами, с эседеками, с центристами, с кадетами, с меньшевиками, с дезертирами 1916 года, с белогвардейцами, с белочехами, с думцами, с бабами Бочкаревой, с черносотенцами, с иеговистами, с бухаринцами, с попутчиками, с шпионами австрогерманской и австролопитекской разведки, с семьями чудаков и чекистов, с Руслановой, с Бабелем, с пленными, вышедшими из немецкого плена в 1945 году, с офицерами, освободителями стран и народов, поработанных фашизмом, с Паулюсом и Шульгиным, с власовцами, с космополитами, с пацифистами, с Солженицыным, с сектантами, с эмигрантами, с атеистами, с князьями Волконскими, возвратившимися на Родину из Парижа в лагерь на лечение от ностальгии и т.д. и т. п.

Вот кто я.

Вот моя биография и специальность.

А поэтому ты, девушка, не беспокойся, — Кузьмин указал на уже усмиренную кобру, — я однолюб,

а по блядам никогда не ходил и не буду!

И не буду! — вот как сказал 97-летний воитель всех времен.

Ночь, как ночь.

Однорукий технолог зевал, как Шаляпин. Он уже восемь суток лежал на утке, и ничего не получалось. Наша Люсенька нас разбавляла стрептомицином. В коридоре, под лампочкой, в полутьме, на полу двое почечников переставляли шахматные фигурки, иногда они вскакивали и, как девочки улицы, прыгали со скакалками, безнадежно надеясь, что выпадут камни из почек. За окном ничего не мигало. Только, как на ипподроме, стучали копыта деревьев.

Ночью Исаич встал и спросил:

— Что это есть «удаленье»?

Я сказал:

— Удаленье есть удаленье.

— Стой, балбес, не перебивай.

Мне сказал этот профессор, сопляк и соратник смерти:

«Удалим ваши интимные двойники». Я согласился. Что это, к дьяволу, за «интимные двойники»?

— Это то, что находится под интимной деталью,

Куда Люсенька безуспешно хотела вставить катетер.

— То есть яйца.

О паршивые сукины дети, шарады! — он засмеялся..

В шесть часов утра нам ставили градусники.

В шесть часов утра в градуснике Кузьмина ртуть не поднялась ни на одно деленье.

При вскрытии трупа обнаружили: он задушил сам себя.

Как и чем он ухитрился — обнаружить не удалось.

Три лейтенанта принесли три чемодана орденов и медалей.

А по аллее у павильона прогуливались три генерала.

Лейтенанты уехали на машине «Волга» последнего образца.

Генералы постепенно ушли на трамвайную остановку.

Студент-негритенок причесал Кузьмину железной расческой усы.

Его труп увезли (труп не негритенка, а Кузьмина)

В институт экспериментальной медицины для использования в анатомических целях.

5. После праздников у мужчин небритые лица.

У девок — синяки под глазами и под платьем.

8 марта у Люсеньки получилась любовь.

Ее полюбил тот студент-гигант, который носил с негритенком трупы.

Мы его называли шпагоглотатель.

Гигант был морфинист.

Он знаменит под названием Альберт во всех альковах больниц.

После одиннадцатилетки он три года работал троглодитом на каком-нибудь дизель-заводе,

Где по-божески баловался «планом».

Потом кто-нибудь познакомил его с морфием.

Но простому советскому Альберту очень трудно стать истинным наркоманом.

Нужны какие-то деньги и международные связи.

И Альберт поступил просто.

Начал скромно:

проглотил программу квартального плана бригады коммунистического труда. И четыре новехоньких гайки.

Его оперировали.

Понудивлялись, как это он невзначай проглотил все это хозяйство.

Он объяснил:

— По рассеянности.

Он пил пиво и перепутал программу с воблой.

Ведь даже учитель земного шара Карл Маркс, как вспоминает Лафарг, обедая, иногда вместо хлеба по рассеянности отрывал уголок газеты и пережевывал типографский текст не без аппетита.

— А гайки? — спросили.

— Их, гайки, — улыбнулся Альберт, —

Все мы гайки и винтики своей многомиллионной державы. И вот разговор приобрел политическую перспективу, что уже далеко не уголовное дело.

Месяц Альберта кололи морфином и понтапоном.

Через месяц Альберт проглотил плоскогубцы.

Потом он глотал:

гвозди из ФРГ,
склянки из-под гематогена,
щипцы для откусывания заусенец,
шприц с иглой и шприц без иглы,
ассорти из наждачной бумаги и фольги,
и как ему посчастливилось проглотить цепь от велосипеда?

Восемь месяцев Альберт употреблял бесплатный наркотик.

На девятый Альберт был разгадан.

Ему предложили на выбор:

— тюрьма за покушение на самоубийство,

— больница имени Бехтерева для излечения душевной болезни.

Но Альберт был умнее:

он поступил на фармакологический факультет медицинского института.

Теперь он носил потихонечку трупы,

А медсестры давали ему потихонечку морфий.

Жалели.

Так у Люсенки получилась любовь.

Девушка на дежурстве 8 марта —

— это драма, достойная небезызвестной драмы «Гроза».

Альберт на 8 марта подарил Люсенке свой пламенный взгляд,

и они напились медицинского спирта.

Дежурный врач обнаружил медсестру в туалете.

Люсенка наклонилась над унитазом, как будто искала на дне

жемчужное ожерелье Марии-Антуанетты. Альберт шевелился всем телом.

Он наклонился над Люсей, держался за плечи ее, как за руль мотоцикла.

Он наклонился, как будто шептал ей в затылок

тайну ПЕРПЕТУУМ МОБИЛЕ.

Как раз в это время задушил сам себя Иван Исаич Кузьмин.

6. Он был очарователен.

С утра морочила его машинистка —

В банальной больнице под одеялом ослиным

Он особо секретные документы подписывал,

Рисую передо мной исторические параллели

Между собой и Маратом, который подписывал все это в ванне.

Он веселился.

— Неугасим мой творческий темперамент, как лампочка Ильича,

нет на меня Шарлотты Корде, —

Сей секретарь ошибался, была на него Шарлотта Корде,

Была, невзирая на весь диалектический материализм его всесторонних
сентенций.

— на каждого, бабушка, есть своя Шарлотта Корде.

(«бабушка» — так мы называли этого претендента на лигу бессмертных
потому, что под вечер, когда почему-то болели его подвечные члены,

он непростительно плакал и бушевал на весь павильон в приступе атавизма:

— Бабушка, бабушка!

— На каждого, бабушка, есть своя Шарлотта Корде: на царя и рецидивиста, на любителя виолончели, на крестonosца и на секретаря. Сегодня в полночь, по Гофману, вам, бабушка, сделают клизму, и на заре, завтра, по Андерсену, вам, бабушка, сделают клизму. И ровно в 12.00 по московскому времени вам удалят наиважнейшие шарики вашего организма, без которых вы станете, бабушка, совсем и совсем не вы.

— Нет, я есть я, и я буду я, —

утверждал секретарь, потрясая позолоченными очками.

Кроме физиологии, ты, формалист, есть еще философия!

Есть оптимальная самоотдача!

Есть нравственность!

Есть борьба за идеи!

О да, чего-чего, а уж нравственности и морали будет у вас, идеал, так много, что все ваши машинистки, как Аленушки, будут рыдать, вспоминая про ваш осиротевший фаллос.

Вас кастрируют, вы понимаете или нет?

— Ну и что? — возмутился холерик, —

Ведь кастрируют, скажем, котов.

— И свиней, — подсказал я.

— И быков, — поддразнил он.

— И быков, но быки убегают в пампасы и усиленно умирают от стыда.

Как умер Кузьмин.

— В любых обстоятельствах, если этого требует дело, которому служишь, нужно жить, а не умирать. А Кузьмин, невзирая на все ордена и медали, — отъявленный отщепенец и плюс стопроцентный старик.

Мы таких повидали: Им драгоценно лишь собственное «я», но не общее дело.

— Да, им дорого собственное «я» для общего дела, а вам общее дело для собственного «я».

— Хватит, — сказал он, — ты паяц и мерзавец, мы таких еще в первую очередь перевоспитаем.

— Я паяц и мерзавец. Вы мичуринец и преобразователь, но природа вам огамстила. Через час после кастрации не Иван Владимирович, а природа приступит к преобразованию вашего организма.

Она вывесит вам сатирические груди с сосками.

Ваша задница с антинаучным названием «таз» продемонстрирует девственные окорока, такие, как у окаянного колдуна или кокетки.

Ваш богатейший бас, которым вы призывали к доблести и трудовым достижениям, станет репликой безголосого альта.

Преобразуется мозг. Он станет с женским уклоном.

Вам знакома идеология женщин, товарищ?

— Что ж. И с женским уклоном мы можем прекрасно работать.
Сколько женщин работает на руководящих постах...
А для голоса есть микрофон.
Мне 57 лет. И я полон энергии и энтузиазма.
— Господи Боже! — подумал я с изумлением, —
как жизнелюбивы твари твои.

7. И Валерик энтузиаст. Но с уголовным уклоном. Помимо вечерней школы и катушечной фабрики, он командир оперативных отрядов. Я никогда не подозревал, что это за наважденье.
Это вроде «народной дружины», но помоложе.
Я рассказывал истины об искусстве, Валерик слушал машинально, а потом вспоминал о своем:
— По ночам в Сестрорецке мы устраивали засады.
Знаешь, в белые ночи кусты, красота, море — нежность.
У птиц замогильные звуки получаются,
И совсем ни звездочки, ни фонаря, и бутылочный воздух.
Мы — в кустах. Мы бледны и готовы,
На песке появляется пара.
Но они не решаются на преступление на песке,
Они раздеваются и уходят в Балтийское море, куда-то туда, в глубину, как будто купаться.
Мы-то знаем, нет, не купаться.
И с напряженными нервами ожидаем.
И — а как же! — они погружаются в воду, где подальше, по пояс,
И начинается то, ну, ты сам понимаешь, что может начаться между парнем и девкой, если тот и другая совсем не имеют хаты, а уходят развратничать в море.
Ты понимаешь мои намеки?
— Я-то понимаю, а ты?
— И я. Мы приносим обществу пользу и двойную:
Мы спасаем свое поколение от разврата и от простуды в воде.
— Это трогательно. Как же вы из прекрасного далека распознаете их действо?
— Очень просто.
Во-первых: на лицах у них красными линиями написано вождление, во-вторых: нам выдают бинокли, специально.
Но бывает,— вздохнул мой Валерик, — очень трудно уличить.
Хитрецы уходят под воду и на дне совершают свои отрицательные процедуры, ныряя по несколько раз.
Пока добежим — уже оба довольны, и есть оправданье — ныряли.
В таком случае лица невинны у них, как небо.
Ничего не поделаешь. Поматеришься, а ночь пропала.
И ни тебе благодарности от начальника отделения, ни премии к празднику Первого Мая.

— Ну, а с теми, кто пойман?

Валерик задумался.

Бюст его на больничной койке был копией бюста Родена «Мыслитель».

— Ты бы видел, как мы галантны.

Внимаем отличный оперативный билетик.

После парню бьем морду, чтобы морда была побита хорошо, но бесследно, ну а девку, естественно, стыдим.

Пусть чуть-чуть пробежится, пусть нам будет смешно.

И того и другую, пошептавшись, штрафуем, потом — в отделение.

Ты не знаешь,— спросил он с непосредственностью, достойной всяческого восхищения,—

— Почему это в наше время так развит разврат?

— У кого?

— Да у них. Вот у этих, как сказал бы Гюго, тружеников Моря?

— Потому что вы все — восемнадцатилетняя сволочь.

О, Валерик, то, что ты называешь «разврат», — он развит у вас, но у не у них.

Была у тебя хоть какая-нибудь плохонькая девица?

— Этого еще не хватало.

— А теперь и не будет.

А теперь, расскажи мне, что ты чувствуешь, ангел небесный, наблюдая в бинокли, что делают эти двое? То же, что и они?

Он покраснел.

А в ночи, свободные от дежурства, что ты делаешь, Аполлон, сам с собой??

То же, что и они, но в одиночку, не так ли? Под одеялом?

Он совсем раскраснелся.

— Вот видишь.

Потому что вы все — ублюдки милицейской морали.

Дивные девки, обожествляя солнечную современность, — лежат на пустынных пляжах вселенной, как сливочное эскимо в шоколаде.

Бедный Валерик!

Завтра тебя кастрирует в кожаном фартуке хитрый хирург, и еще целых семьдесят или более лет ты сможешь служить лишь сторожем

В гинекологической клинике.

Его жалели медсестры и пасмурный парикмахер-папа

Двое суток Валерик валялся в истерике,

Но на операцию согласился.

8. Выздоровливали...

Паралитик моего поколения был исцелен, обе ноги его бегали, как у велосипедиста, но чуть-чуть отнялась голова.

Бултыхалась его голова — дирижаблик, но врачи утверждали, что это пройдет.

Главное, что к больному возвратилось самосознание:

прежде он присвоил себе ореол социолога Ариэля, а теперь он опять именуется Сидоровым-Ивановым. У фарфоровой девушки роды не состоялись, но она усиленно и усиленно штудировала геометрию с применением тригонометрии, чтобы перейти в 7 класс.

Ученик Майи Плисецкой получил полномочный протез, он размахивал новенькой ножкой, как офицер на параде 7 ноября на Красной площади. Мушкетеры уже перестали пить иностранное бренди и перешли на одеколон отечественного производства.

Бабушка и Валерик встали и гуляли плечом к плечу по глухим ходам павильона.

У них вырисовывался румянец.

До операции все смотрели на всяких врачей молитвенными глазами.

После операции все кое-где собирались и сообщали друг другу:

— Возмутительно.

Почему во всякой советской больнице все врачи — евреи?

9. Мы живем так, как будто будем еще жить и жить.

Научи меня жить так, как будто завтра — смерть...

Когда я пришел в больницу 6 марта 67 года, уже начиналась весна.

Когда я вышел 22 апреля 67 года, весна еще и не начиналась.

Воздух был голубой, а павильоны — морковного цвета.

А вообще-то воздух был сер и мутен.

Ленинград уже 5 месяцев или больше, или меньше готовился к юбилею.

Всюду: и в парках, и на перекрестках центральных улиц — стояли типографские тумбы для афиш.

Они были оклеены революционными газетами, такими, как они выглядели 50 лет назад.

Там дрожали трамваи.

Там летали на крыльях черные кошки-вороны.

Надо мной было солнце — белок полицейского глаза.

Раскрывалась вселенная — раковина ушная,

Система подслушивания моего последнего сердца.

Современность влюбила меня, очаровала, воспевая,

воспитывая чудовище века — меня,

И над сердцем моим, над тюрьмой моего последнего сердца

Был поставлен логический знак существования —

— алгебраический икс — бессмыслица наших надежд,

но напрасно старалась солнечная современность:

Я ее обманул,

Я ей отдал только одно сердце,

А у меня оно не одно —

— у меня миллион миллионов сердец.

Светлана Каминская:

„Возвращаться в мир не намерена...“

Светлана Каминская родилась 23 ноября 1954 года в городе Слока, тогда Латвийской ССР.

Рисовать начала рано, сохранившиеся работы датированы началом 70-х. По окончании средней школы поступила в 1-й Медицинский институт им.Павлова в Ленинграде, где изучала хирургию в течение четырех лет. Но графика не оставляла ей времени на занятия медициной. В Академию Художеств, куда ее готовы были принять без экзаменов, поступить желания не было, чего нельзя было сказать о желании покинуть пределы СССР. За неполные десять лет она создала около десяти тысяч работ. Это не только иллюстрации к Исикава Такубоку, Басе, цикл "Дао", серии офортов, линогравюр и монотипий, но и деревянная скульптура, и книга о русском церковном зодчестве, написанная после скитаний по Золотому Кольцу.

Множество левых художников тех лет были ее хорошими знакомыми, но принадлежать к группе пусть даже близких по духу людей было для нее немисливо. Имя Каминской было хорошо известно коллекционерам как в России, так и интересующимся русским искусством за рубежом.

22 июня 1980 года, после трех лет с момента подачи документов на выезд в Израиль и пребывания в отказе, Светлана покидает СССР.

В последний момент вдруг выяснилось, что картины художницы являются достоянием народа и вывозу за пределы СССР не подлежат. Это привело к тому, что огромная часть работ была ею уничтожена.

В Риме Светлана Каминская приняла крещение. Отдав десять лет монастырской жизни в Италии, Франции и Канаде, она стала исключительно религиозным художником.

В настоящее время живет в Канаде, пишет иконы и занимается резьбой по дереву.

Возвращаться в мир, по ее словам, не намерена.

Лев Рубинштейн

Из дневных занятий

1984

- Попробовать еще раз. — Трепетно и надолго. — Несет нас вниз потоком бытия. — Не обольщаться и не отказываться. — Может пригодится. —
- Продумать вариант продолжения. — Хочется так громко, чтобы услышали в самом дальнем углу. — Окно как будто бы закрыто, а занавеска все-таки колышется. — Использовать при первой возможности. —
- Не упустить впопыхах. — И самое поразительное, что по-видимому, так оно и есть. — Какое там „спонтанное письмо“? Все выверено до точки, будьте уверены. — А вот разговор все-таки предстоит. — Что-то плещется под боком в ожиданье одиноком. — Прежде чем окончательно решить, тщательно обдумать.
- Попытаться возобновить разговор. — Признайтесь, что вы ничего такого не ожидали. — Продолжить, когда все более или менее уляжется по своим местам. —
- Обратит внимание. — Касаясь то одной, то другой точки открытого нам пространства, вскапываем ли мы почву для грядущих посевов или же иссушаем неволью колодцы? — Верна ли постановка вопроса? — Потом разобраться. —
- Заметить хорошо. — Движение стиля есть не что иное как непрерывное выяснение отношений между прямым и переносным смыслами. — Взять в кавычки. — „Не что иное как“ зачеркнуть. — В скобках указать источник. — Обдумать. —

- Сформулировать более точно. — Самое, казалось бы, элементарное высказывание склонно к сакрализации, будучи введенным в ряд других высказываний, однородные признаки которых скорее угадываемы, нежели определены путем рациональных усилий. — Выразить яснее. — Использовать как аргумент. —
- Решить, насколько важно. — Если не теперь, то когда? — Заранее ничего сказать нельзя. — Веселье не бывает однозначным. — Когда засыпаешь, еще и не то приходит. — При случае пересмотреть порядок. —
- Привести в порядок. —
- Принять во внимание. — Метнувшись серой кошкой в ночь, забыв, что некому помочь. — Вот уж мимо чего можно пройти без боязни упустить что-то существенное. — Хотя кто знает, кто знает. — Некоторые из привычек вполне несосны. — Развить в дальнейшем. —
- Взять на заметку. — Несет нас вниз потоком бытия, мы вспомним это сразу, как очнемся. — Целая жизнь перед нами, целая жизнь. — Проверить. —
- Важно. — Кое о чем следовало бы и не упоминать. — негласное условие. — Новая грядет волна, грозной прелести полна. — Состояние часто тревожное, нередко граничащее с паническим. — Забыть хотя бы на время. —
- Может заинтересовать. — Относительная статика положений при очевидной динамике состояний. — Стиль на стиль, как брат на брата. Такие вещи добром не кончаются. — Последнее с предпоследним не связывать. —
- Опасность повторов, прелесть повторов, тщетность повторов. — Не дают сосредоточиться окаянные ветра, временами так и хочется... — Могу продвинуться безо всякого усилия. — Нужно подчеркнуть. —
- Среди немолчного напева и таинственных усад. — Времена года — сушая безделица, а вон что творится. — Не схвачен, не стреножен, а все-таки встревожен. — Мои глаза сверкают в темноте. Я это знаю. Я читал об этом. — Злополучный день прошел, но унес с собою что-то. — Выбрать, что соответствует. — Ничьих не слышу голосов. — Что это вдруг со мной? — Или уже все? — Признания напрасны, видения ужасны. — Волнующий момент, не правда ли: вот замечаем мы вдруг, что круги, которыми мы ходим, все сужаются. — Волнение в груди... Побудь, не уходи. — Посмотреть, что из этого выйдет. —

- От разлуки до разлуки, протянув друг другу руки. — Гонимы ветром кто куда, самим себе не господа. — Сердце гаснет оттого, что не любит никого. — Откуда б ни пришла расплата, судьба ни в чем не виновата. — В слепом стремление все понять как бы чего не потерять. — Постараться запомнить. —
- Уходящие за горизонт волны умытого росой клевера. — Ну ладно, ладно. Все ведь хорошо и чудесно. Зачем же так волноваться? — Хоть на несколько столетий задержать бы этот миг. — Дождаться более подходящего случая. —
- Земную жизнь пройдя до половины, увидеть впереди все те же спины. — Там, в непостижимой глубине крапивных зарослей...— Туман не приведи господь, и ветер будь здоров. — Понять, что общего. —
- Ситуация, представляющаяся маловероятной, а тем не менее реально сложившаяся. — Вопросительный знак в скобках. — Часто ставишь перед собой одну задачу, а решаешь совсем другую, подчас куда более существенную. — Почти что всегда. — Провести параллель. —
- И вот я, наконец, его увидел. Вернее, не его — его машину. Но чувствовал, что вот произошло, что вот я человек своей эпохи. — Не настаивать. —
- Вот он приходит с возгласом „вставай“. Вот он уходит с шепотом „прощай“. Вот я стою и вглядываюсь вдаль и удивляюсь своему спокойствию. — Больше не возвращаться. —
- Гляди прямо, не дрожи, выше голову держи. — А также: Не прощайся, погоди. Еще много впереди. — А лучше: Не оправдана печаль. Посмотри-ка лучше вдаль. — Предположить, что достойно умиления. —
- Плывет заветная звезда навстречу завтрашней погоде. За лесом плачут поезда. А дальше — что-то в этом роде. — Оставить, как есть. —
- Сравнить. — Едва лишь мысль вдали забрезжит — из дома прочь, из дома прочь. — Мы в этом все равно мало что понимаем, а потому отойдем-ка в сторонку да пошепчемся о своем — мало ли о чем. — Непостоянство не стоит на месте, куда-то все стремится. Мы — за ним. — Оставить место. —

Дорогой дедушка Владимир Ильич!

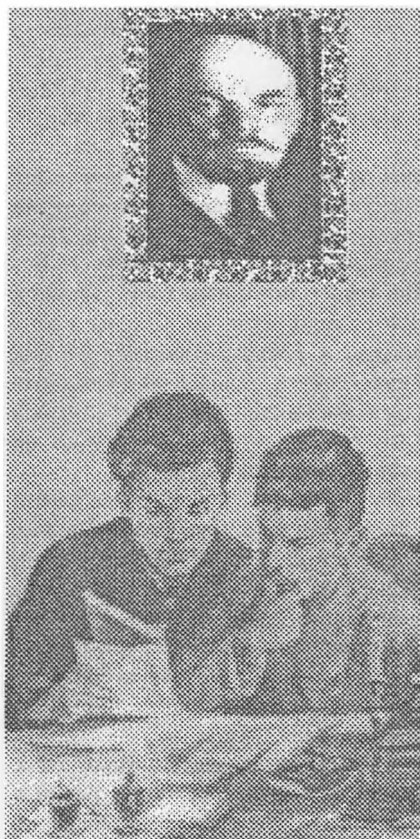
Пишу тебе ночью украдкой отрывком карандаша. Скоро писать совсем нечем будет. Сестра нашей палаты, которую все кличут Гласность, говорит, что на воле ни стержней, ни карандашей больше нет и не предвидится, поскольку все за границу продали. Раньше я ходил в другие корпуса и там менял, что мне было нужно. Теперь же никуда не пойдешь: новые порядки. Все корпуса от нашего отделились и автономию объявили.

Наших больных, дедушка, теперь совсем не лечат, а только мозги полощут. Бить не бьют, а просто жрать дают раз в день. Кормят же отрубями и запить дают теплой жижей. А врачи трескают, чего не приколочено: языки, ветчину, плов, пьют же все иностранное. Наши отруби тоже воруют — свою скотину кормить. В нашей палате создан комитет демократического обновления, да толку чуть — говорят, говорят...

Врачам петицию от комитета послали, грозят голодовкою. Другие же, кто в нашем корпусе лежат, тоже кучкуются. Много таких, которые тебя проклинают и повторяют разную напраслину за Борькой-главврачом и Мишкой-кляксой. Говорят про тебя, что ты был и не психиатром вовсе, а моравино-масоном больным. Борька, как напьется, по палатам ходит и банку с заспиртованными мозгами показывает.

— Смотрите, — кричит, — вот мозги ильчевские, заспиртованные, кого угостить?

Мишка же клякса, который всю беду затеял, а теперь не при делах.

осмотры у нас больше не проводит. Видели его за территорией, он все норовит там чего-то купить-продать, клянется, что для нашей больницы, а там кто его знает.

Еще о тебе, дорогой дедушка, говорят, что ты вместе с другими масонами семью Романовых из 7-ой палаты убил. А собачку ихнюю Фифи будто бы затрыз и потом ногами истоптал. На всех главврачей поклеп возводят: про тебя же и Отца Родного говорят, что вы 60 миллионов больных умертвили. Хруща же Кукурузника хвалят за то, что при нем все корпуса побелили. А про Бровеносца, который из главврача сам в большого превратился, говорят: при нем все воровство началось, все места родственники заняли. На всех наших героев, буквально на всех, такое наговорили, что страшно. Щорс будто бы бандит был, которого „красные“ из строгого отделения повесили. А Буденный будто бы конь у „атамана Дутова“ из буйного отделения. Про других героев вот что плетут. Зоя Космодемьянская сумасшедшая была, пироманка. Гастелло будто бы не койки таранил своим телом, а был двуголовый урод с кличкой „Газ-Тело“. Олег Кошевой предателем был, выдал состав лекарств, сбежал в Америку. Про Чапая и слушать надоело. Он, мол, вовсе не в холодильнике „Урал“ задохнулся, спасаясь от беляков из 2-го отделения, а переплыл за территорию с кассой взаимопомощи.

Защищают же садистов и мразь всякую: Троцкого с его Альпенштоком, да и вообще всех, кто в 3-ем корпусе сидит с манией величия — всяких там Врангелей-Власовых.

Так и получается, что, акромя Борьки, и здоровых нет. Охрану нашу ни в грош не ставят: хамят, изгаляются. На той неделе больные напали на спящего Вохра, палку резиновую и „Черемуху“ отняли. Палку на волю продали, а „Черемуху“ нюхали всем отделением.

Борька-главврач после того, как санитары всех повязали, кричал: „Кто больше меня для больных сделал? Кто в долг взял на ремонт больницы?!“ Чуем, дедушка, с нас же три шкуры и сверут. Иностранцы как понаедут, так сразу к Борьке: где ремонт, куда деньги ушли. Когда отдавать будешь? У него ответ один: нечем отдавать. Положите. Или хотите, чтобы мы больницу закрыли, а их выпустили? От тех денег никакого прока не видим, а только слышим: прихватизация, дерьмократия.

Во всех корпусах объявили, что можно торговать. У нас в отделении трое больных открыли свое дело: в бутылочки для анализа налили мочу. Говорят — пиво немецкое. Заломили столько, что и не представишь! Ночью им устроили прихват. Теперь они себя „брокерами“ называют, по-нашему — посредники. Есть и повторники, посуботники. Эти тоже норовят на пустом месте других больных натреть. Однажды такого „брокера“ проверили — нашли у него под кроватью тюк с казенными простынями. Вот и все их брокерство. Но Борька их покрывает.

— Тяжело, — говорит, — в лечении, легко в бою.

Самая же подлость, дедушка, в нашем корпусе завелась. Мало того, что по вторникам, средам и субботам «брокеры» житья не дают, так и в остальные дни недели теперь сплошь митинги и собрания... До того

договорились, что и тебя надо из Мавзика вынуть и в нем баню новую сделать.

А кто говорит-то?

Неделю только у нас, дерьмократ, еще в прошлом году большим лекции о тебе читал, а туда же. Стыд и совесть потеряли совсем! Забыли, как при других главврачах было, как лечили увязками, укрутками. Лекарства кончились, вот и повылазили, опарыши. Намедни же вот чего учудили: в 6-ой палате нашего корпуса „конституционный суд“ устроили. „Судят“ всех главврачей прежних и медперсонал, и что поразило, дедушка: все врачи показания дают, о твоём вредном идейном наследии говорят, а у самих глаза зыркают — где чего плохо лежит.

Сортиры у нас теперь совсем затоплены. В двух корпусах недавно пожары были, и что ни день — в „автономных“ корпусах кровь льется. Мало, что корпуса теперь „дерьмократами“ заняты, теперь и больные себя независимыми объявляют. Из 4-го отделения 3-го корпуса больной себя президентом вселенной объявил. У соседей все прожрал (а чего там жрать-то?), в задницу трубку вставил и предлагает: газ покупайте, задаром теперь не будет, а кто не уплатит — клапан перекрою. Борька приходил, смотрел. Потом руку жал: уважаю, говорит, независимость. Только всем на это начхать. Которые тоже себе трубки запихали, другие свое кало предлагают в обмен на газ. Говорят — „бартерная сделка“, только от всего этого еще хуже, дорогой дедушка.

Стены от ихнего „ремонта“ совсем рушатся. В койках наших пружин давно нет — еще при Бровеносце разворовали. Нам тогда доски под матрацы положили. А тут была амнистия сразу как „конституционный суд“ кончился, потом митинг дерьмократов. Нас всех погнали, как баранов. Вернулись, а досок нет. Теперь ведут расследование. А чего расследовать-то? Доски уброекли. Некоторые думают, что это масоны, они всю жизнь в больнице живут и этим промышляют. Будто бы их вывести нельзя — ни кипятком, ни керосином. Выходит, все главврачи зря с ними боролись?

Дорогой дедушка! Меня выбрали от нашей палаты в депутаты Федерального Собрания. Говорят, скоро будет заседание в какой-то Государственной Думе. Там я много чего скажу о Борьке. Он, видишь ли, постоянно твердит, что твои диагнозы и лекарства вредные были и будто бы только его лечение — самое прогрессивное в мире.

Однако я не пойму: Федеральное Собрание и Государственная Дума — это одно и то же?

Думается, что нет. Федеральное Собрание начинается на „фе“, а Государственная Дума — женского рода. Постараюсь выступить и тут, и там.

Молюсь, дорогой дедушка, денно и ночью, что ты придешь и мы поднимемся, ты только знать дай! Пока же вредить гадам где можно буду, и ждать, ждать тебя!

Останюсь твой любящий и горячо тебе преданный внук —
Зернов Саша из 1-ой палаты 3-го отделения 5-го корпуса.

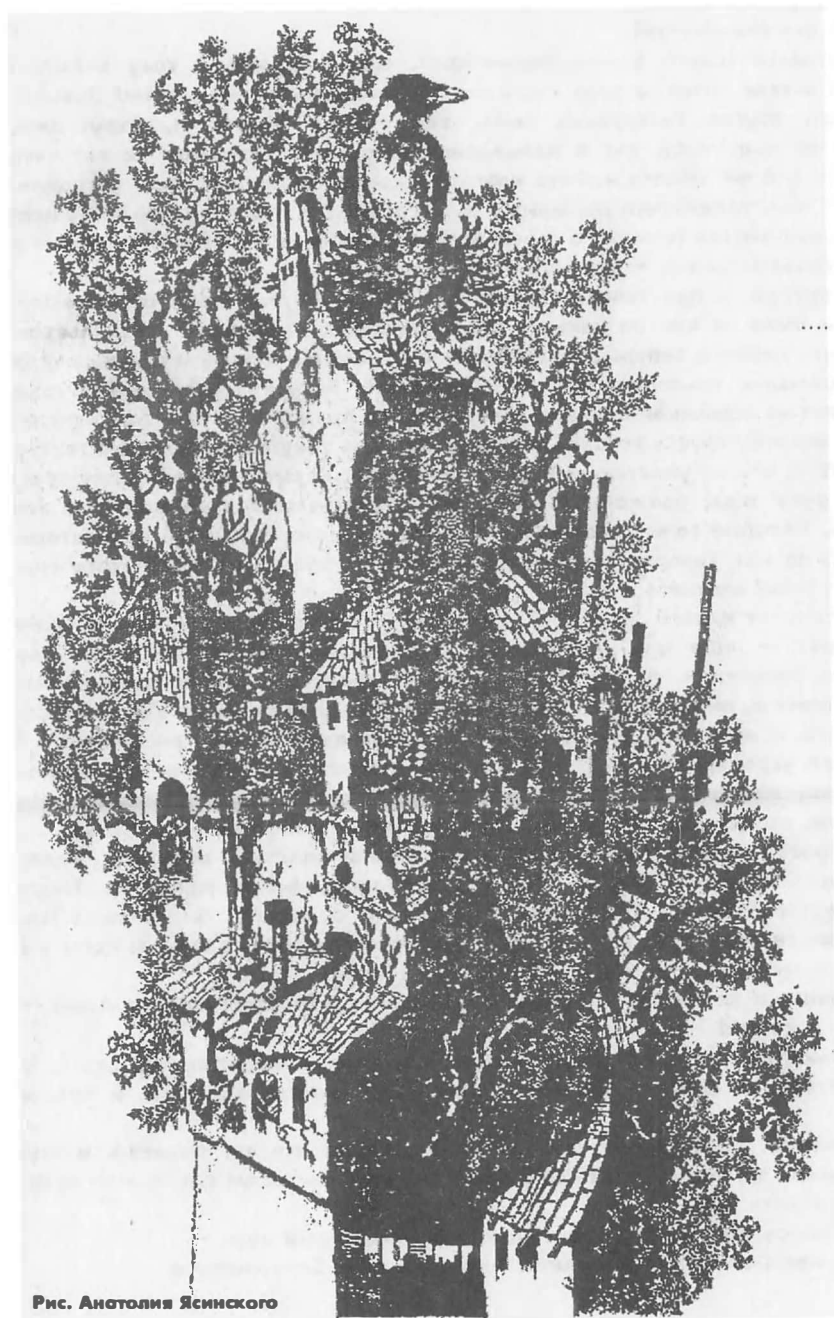

Рис. Анатолия Ясинского

Татьяна Щербина

Прощай, прощай, поэзия...

Меня убивает бессилье
пчелы, что осталась без улья,
что тьма сколдовалась из сини
и то, что меня обманули.

Цветов навидавшись до ряби,
пыльцою набита, как пылью, —
ее б претворить по-приапы.
Как русский уча: „рыбы плыли“,
я все повторяю: ее бы
в секрецию света, в янтарный
густеющий всплеск, без микроба,
без пены, без дыма, без раны.

Ее бы в медок на розетке
на дачной террасе за чаем,
дед с бабушкой: „На тебе, детка“,
а я: „не хочу“, — отвечаю.
И я не хочу и не буду,
мой выбор пока беспределен,
заставы, побеги, запруды,
душа еще как бы не в теле.

И вот наступает мгновенье,
где все окончательно, ясно,
нет проб и ошибок, сомнений,
все так, а не эдак, и баста.

*Париж
Февраль 1994*

Встречаю зиму черносливом и курагой. Осень со своим нежным виноградом уходит даже из памяти. Это потому, что боль поднялась выше болевого порога, поднялась, глянула на неколебимую пустоту и, не удержавшись на пороге, ухнула в водопад, стихию, все без разбора отстригающую от пасущейся повсюду жизни.

Еще вчера это была не стихия, а культура, не водопад, а фонтан: ухоженный, ручной, городской. Вознесся — салют, упал — бомбардировка: много нервов, убитых и раненых.

Я от порога отошла, отдала боль и вот пошла в никуда.

Еще — лимон. То, что вспрыскивают в безвкусный погасший воздух, чем окропляют неживые уже деревья, что пьют по холодным скользким крышам. Парижский лимон на русском черном расписном подносе.

Черносливовый каракуль, шуба из кураги, рыжей лисы. Цвет кожи тепла, а его нет. И это длинное, труднопроизносимое слово: „нет“.

Париж
1993

Прощай, прощай, поэзия,
российский двор, порожек,
прощайте все претензии
на то, что Бог поможет.
Душа — сплошная ссадина,
и в бездне унижений
свело ей мускул пряденый,
Прощай же, поражение!
Прощай, домашний оберег,
любовь, счастливый полюс,
я не допела в опере,
я потеряла голос.
Как с чучелом обвенчана,
из миски пью до доньшка,
Мне чудилось быть женщиной
да завести ребеночка.
В Берлине стенка рухнула,
всех перетасовала,
смела, убила, стукнула.
Я вышла в тень провала.
Прощанье ритуальное —
прощанье понарошке:

„прощай“ — итог, испарина,
заклятье черной кошки.

Январь 1994

Евгений Попов

Горячее сердце

Рассказ

Сам я — колбасник. Делаю колбасу из легких, печени, рыла, ушей бычьих, коровьих хвостов. Мы с товарищами крутим все эти ингредиенты на машине, закатываем их в чисто отмытые кишочки и продаем на улицах по крайне дешевой цене с разрешения властей.

Ну, вы, конечно, понимаете, что это я образно и условно говорю — как бы в шутку. Я, как бы в шутку, считаю себя принадлежащим к старинному цеху колбасников, у которых есть герб на воротах, о чем мы можем читать в старинных книгах про немцев. На самом деле я — простой рабочий колбасного производства, цеха №3, расположенного на углу Кирова в здании бывшего при царе бардака. Там, где в давние времена женщины продавали за деньги свое тело и красоту, опаивая простой сибирский люд, в этих некогда мрачных стенах, где раздавались хрипы, мы с товарищами наладили поточное производство высококачественного продукта.

Докторская, диабетическая, русская, одесская, эстонская, колбаса „казы“ и прочая — вплоть до телячьей. Вот наш ассортимент, а все остальное — шутка.

Живу я тоже неплохо. Не стану врать, что краду колбасу, потому что я ее не краду. Я просто беру домой немножко. Исключительно для правильного ведения семьи, состоящей, включая меня, из двух человек. А что Клава якобы продает колбасу соседям, то ведь это почти ложь! Ведь она вовсе ее не продает, а дарит или отдает остатки. И тут совершенно нет ничего дурного: они тоже ей иногда что-нибудь дарят или дают взамен. Потому что двор у нас дружный. И все сплошь рабочие люди, трудовая косточка.

Дуся трудится на ликеро-водочном, Скороденко тетя Феня — маргариновый завод, Гуляев — плодоовощная база, и лишь один Безрядин Петр должен быть строго наказан, потому что он, сволочь, паразит и гад, которого не должна носить земля.

А носит. И он даже имеет флигель у нас в глубине, вросший в землю. Из трубы то и дело идет синий дымок, а иногда летят взрывы. Я думаю, что он нас скоро и вообще спалит, подлец. Мне-то от этого не тревожно. Мой-то милый домик застрахован последовательно с 1910 года. Мне не тревожно, но мне обидно.

Он, видите ли, говорит, что — изобретатель. Но, граждане! Ведь всякий, имеющий ум на исходе нашего двадцатого века, обязан знать: изобретатель ОБЯЗАН работать в конструкторском бюро, а не собирать у людей рваные галоши и прочую ветошку. Он же в ответ улыбается: „Я-де инвалид второй группы, охраняюсь государством.“

Мне не тревожно. Мне обидно. Гнев переполняет меня, душит воротом рубахи. Потому что сволочь он, а не инвалид. Будь он действительный инвалид второй группы, то его жалили бы ВСЕ, а он должен был бы за это хоть на гармонии научиться играть что ли. И играл бы себе по воскресеньям на барахолке, зарабатывая неплохие деньги, как это делал, например, слепой мальчик Гена, пока окончательно не заважничал, разбогатев.

А так, я скажу честно, вовсе мне не жалко той колбасы, что ежеминутно таскает ему моя милая Клава. И дуськиного спирта мне не жалко, и скороденкиных жиров, гуляевского арбуза. Мне даже дома моего не жалко, потому что дом мой застрахован последовательно еще с 1910 года.

Мне ПРАВДУ жалко! Мне обидно, что человек нагло врет, нагло похваляется и стал у нас в квартале, как святой. Врет, нахально обещая, что из рваных галош и прочей ветошки научится скоро делать ЧЕРНУЮ ИКРУ. Нет, это вы представьте себе, это вы не ленитесь представить — ЧЕРНУЮ ИКРУ!!!

Отчего, дескать, все будут сыты малыми порциями, деньги обесценятся, хлебопашество увянет, а кормленные люди станут заниматься лишь космосом, игрой на музыке, плясками, книжками, картинками и научным сном. И это все от рваных галош и прочей ветошки!

Да каким же нужно быть дураком, чтобы во все это верить! Когда сейчас и галоши-то почти никто не носит! Это нужно быть совсем слабым умом, чтобы во все это верить!

А ведь сам по виду — обыкновенный бич в очках. Плюнул бы я

ему прямо в очки, но нельзя: имеет высшее образование. А так, друзья, хочется плюнуть, что аж челюсть болит. Да что там плюнуть. Харкнуть, когда эта ободранная рожа в драном пальто косо ползет по нашему двору, имея за спиной все тот же холщевый мешок все с теми же рваными галошами и прочей ветошкой. Тьфу!

Я, впрочем, человек и интеллигентный даже. И я вполне допускаю, что действительно кто-нибудь где-нибудь научится делать из галош эту самую черную икру. Где-нибудь в Японии или у нас, на переднем крае науки.

Но не здесь же ведь! Не во флигеле, который весь врос в землю, из которого то и дело идет синий дымок, а иногда летят взрывы.

Как? Почему? Зачем верят ему легковерные эти наши люди? Зачем они его упорно кормят, поощряя тунеядство и шарлатанство? Ведь вранье, ложь, а кормят. „Нравится мне, что душа у мужика есть“ (Это моя дура Клавдия). „Талантливейший русский самородок Кулибин“ (Это Гуляев лысый, тертый во всех областях, умнейший человек). А тете Фене Скороденко, старой шалашовке, видать, захотелось на старости лет под баобабом поплясать! Или поспать „научным сном“!

Тьфу! Как это все меня мучит! Ведь я чувствую, он же, он же хитрый и коварный враг! Это же, это — заноза прямо в горячее сердце! Прямо в горячее сердце!

Накатать что ли на него куда-нибудь строчек семьсот? Чтоб вызвали голубчика, посадили по другую сторону стола и сказали: „Здравствуйте, как правильно пишется ваша фамилия?“ А он чтоб трясся, трясся, трясся! Паразит, скот, падло! Накатать бы. Убить! Замучить!

Но — тихо! Не дрожи в руке стакан, не трясись закуска. Не надо никуда ничего катать. Терпение, терпение и молчание. С галошами у него, ясно, ничего не выйдет, а в остальном наша жизнь вполне прилична, даже хороша. Колбаса цветет (шутка), прогрессивка идет (правда). Скоро у нас сдадут стоквартирный кооператив, в строительстве которого мы с Клавдией принимаем доленое участие! Ох и заживем мы тогда с дорогой моей Клавдией! Дом загоним хорошим людям, сами вознесемся на девятый этаж, поставим в лоджию магнитофон и каждый день будем слушать „Песню Дуни из Одессы“. А может, деточек заведем. А он пускай тогда остается внизу, свихнувшийся дурак. Вот когда мое сердце станет окончательно спокой-но! Терпение, терпение и молчание!

*Абакан — Красноярск
5-14 октября 1974 года*

Странные совпадения

Рассказ

Видите ли в чем дело, дело в том, что у нас в районе живет очень много элементов, носящих фамилии знаменитых людей. Они этим людям и не родственники, и вообще никто. А иногда даже позорят совершаемыми поступками свои и их звонкие фамилии.

Вот, например, был тут у нас на складах один элемент — сторож Суворов, дядя Леня. Или дядя Леша. Я уже сейчас и не помню. По-моему, дядя Леша.

И с ним в родстве состоял один начальник из райцентра, который работал там начальником какой-то экономической лаборатории и носил фамилию, какую бы вы думали? Мазепа. Его фамилия была Мазепа.

И вот этот самый Мазепа как-то приехал к нам на станцию в командировку и зашел к дяде Леше, как к родственнику, чтобы поговорить и посидеть.

Сели они за стол. Выпили по маленькой, и дядя Леша пожаловался, что очень мало получает денег, работая ночным сторожем.

Родственник задумался.

— Так ты, наверное, на дежурстве спишь? — наконец, сообразил он.

— Ну и что, что сплю. Это не играет роли. Ведь я же на окладе. А выше оклада не прыгнешь. Это не играет, — справедливо возражал Суворов.

— Нет, играет, — сказал Мазепа.

— Так научи, — попросил дядя Леша.

И стал ждать. А Мазепа очень долго не отвечал, так как ел тушеную капусту со свиной. Он съел капусту и вытер жирные пальцы о салфетку. Потом он вздохнул и стал учить Суворова.

— Э-э, нет. Спать нельзя. Кто спит, тот все проспит. Вот ты, например, попробуй когда-нибудь не спать на своем, пусть очень скромном посту и увидишь, что заживешь очень хорошо.

— Так как же, — заикнулся было дядя Леша. — Ведь — оклад?

— Все! Все! Больше я тебе ничего не скажу. Но помни мои слова, что кто спит, тот все проспит. Бывай здоров, Алексей. Приезжай в гости, а я пошел на поезд. Бывай.

И он уехал в райцентр.

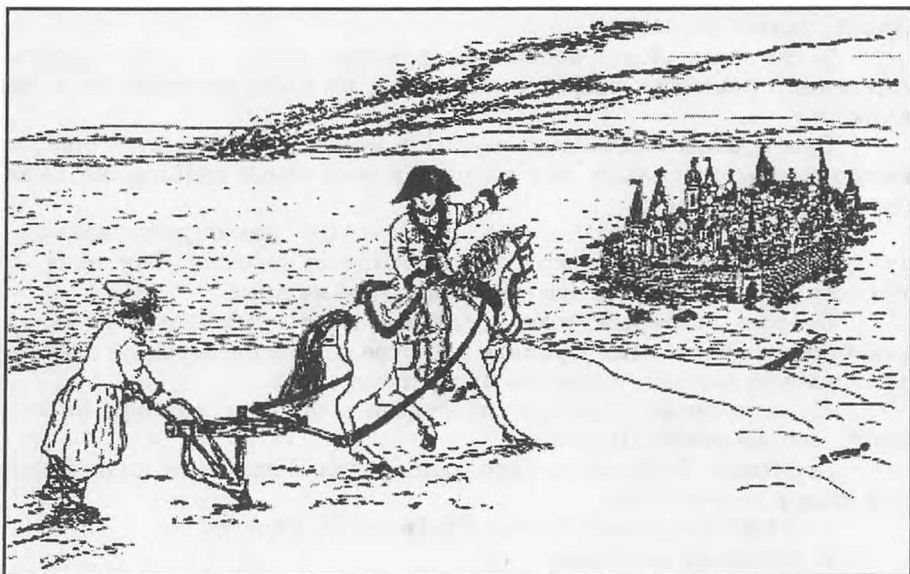
А мужик дядя Леша очень удивился и никак ничего не мог понять. Но, зная родственника, как человека умного и тертого, он решил довериться ему и испытать.

Поэтому в первую же дежурную ночь он сварил себе полуцифир, выпил его с сахарком и примостился около склада в тулупе, держа ружьецо в охапку так, чтобы дуло орудия глядело в небо, а именно на созвездие Большой Медведицы.

А в ихнем складе, видите ли, несмотря на то, что он был хил и не имел даже путных замков либо пломб, хранились иногда вещи очень необходимые для правильного ведения хозяйства.

В частности, туда как раз поступило новомодное стекло-куб. Это стекло-куб было такое ребристое, зеленоватое, размером чуть больше кирпича. Я даже и не знаю, как оно называется. Знаю только, что его вставляют в окна производственных предприятий, чтобы уменьшить шум работы, доносящийся с этих предприятий на улицу. Стены из него можно еще выкладывать. Будут почти прозрачные. И, может, конечно, это стекло-куб пригодится и в домашнем хозяйстве, потому что в домашнем хозяйстве может пригодиться все.

Ну так вот. Дядя Леша не спит. Любуется звездами и замечает между делом, что к складу тихохонько подъехала легковая машина с выключенными фарами. И вышел из машины стгорб-

ленный человек, который направился к складу и напрямиком полез в его плохозапертую дверь.

— Стой! Стрелять буду! Так что ли надо? — прошептал про себя изрядно струсивший дядя Леша и заорал:

— Стой! Стрелять буду! Ты куда?

Но сгорбленный не сказал куда. Потому очевидно, что посчитал этот вопрос лишним. И без того было ясно куда. Ничего не сказал и исчез в недрах склада.

Ну, время идет. Дядя Леша ждет. И дождался, что тот появляется. И еще более сгорблен, поскольку на плечах его покоится здоровенный мешок.

Неизвестный подошел к сторожу и стал его ругать.

— Ты что же это орешь, козел!

Впрочем, его уже нельзя было считать неизвестным, так как дядя Леша без труда узнал заведующего Александра Александровича Пушкина, про которого на предприятии шутили: „Получишь у Пушкина“.

— Я, я, — сказал дядя Леша. — Я, я...

— Ты, ты, — передразнил его узнанный незнакомец. — Ты, ты. Дерут тебя коты!

Тут-то дядю Лешу и осенило.

— А вы не говорите такими словами, — обнаглел он. — И не обращайтесь это в шутку. А лучше объясните, куда это вы расхищаете социалистическое имущество, которое я поставлен караулить за семьдесят рублей в месяц?

— Ох и петух! — развеселился Пушкин. — Молодец! Храни! Бди! Наберешь себе полмешка, — разрешил он и приказал: — Ну, Давай, давай! На вахту!

Тогда дядя Леша помог ему донести мешок до легковушки, Александр Александрович уехал. Уехал, но фары все-таки так и не включил.

Счастливым дядя Леша набрал в мешок разрешенного стекла, вынес мешок со склада, сел на него и стал бдеть дальше, не имея сна ни в одном глазу.

И действительно — по прошествии некоторого времени заскрипели несмазанные колеса, и появилась подвода. Так тоже — тихонечко-тихонечко. Даже тише еще, чем машина.

Сторож, который уже приобрел некоторый опыт в делах подобного рода, не стал кричать про стрельбу, а наоборот — сделался и сам как бы тих, а внешне будто даже спящ.

Ну и конечно! Выходит из склада с полным мешком не кто иной, как десятник Пугачев.

Десятник Пугачев тяжело дышал под мешком, а дядя Леша ему эдак повелительно:

— Стой! Нет, стой! Врешь! Шалишь! Не уйдешь!

И поклацал затвором.

Пугачев скинул мешок с могучего плеча и очень удивился.

— Это ты, дядя Леша? А ты че не спишь? Ты спи, время позднее.

— Как тебе не стыдно, Федор?! Положи немедленно мешок взад, а то я буду стрелять и составлять акт. А может, и Пушкину пожалуюсь. Они тебе с Кутузовым покажут стекло! Все сквозь него увидишь!..

— Ну что ты, Суворов! — не соглашался Пугачев. — Разве ж так можно? Ведь мы все люди и должны помогать друг другу, как братья. Ты, наверное, спросонок одурел. А? Сознайся, дядя Леша! Ведь одурел? Тебе нужно в дурдом к Плеваке записаться.

В общем, долго они ругались, но все же сговорились.

Пугачев отсыпал полмешка в пользу дяди Леша и уехал, слегка раздосадованный. Он за это бил лошадь вожжой и кричал: „Пшла, дохлятина!“

Но Бог ведь троицу любит. Правда? Не прошло и получаса, как дядя Леша уже держал за воротник слесаря Ваньку Жукова, однофамильца того Жукова, который не умел чистить селедку. Жуков лез в склад.

— Ну что с тобой делать? А? Да ты знаешь, что я вот сейчас как свистну да стрельну, так ты и будешь тачки катать. Хочешь? — пригрозил дядя Леша, отдуваясь после борьбы с непобежденным Жуковым.

— А я тебя, старый хрыч, щас как звездану по очкам! — пообещал Жуков.

— Ты у меня поговоришь! Ты у меня поговоришь! Ты у меня тачки покатаешь, — грозился дядя Леша.

— Брось болтать! Отвали с дороги!

— Нет, это не дело, Иван, посерьезнел дядя Леша. — Я на то здесь и поставлен, чтобы не допускать расхищения. А если ты так уж хочешь стекла-куб, то я тебе лучше отдам свое. Я сегодня себе выписал немного...

— Сколько? — спросил Жуков.

— Три рубля.

— Сколько, я спрашиваю, стекла?

— Мешок, сколько?

— Мне мешка мало. Я одному Ломоносову мешок должен.

— Нет, все! Больше нету. Расхищать не позволим. Да ты больше и не унесешь.

— Я мужик мощный, унесу, — просился Жуков.

— Нет, все! Знай меру!

И дядя Леша был тверд. Жуков взял мешок и ушел, сопроводив свой уход нецензурной бранью. Деиег у него с собой не оказалось. Он обещал отдать потом. И отдал. Жуков был честный человек.

Вот так и зажил дядя Леша. Ночами он теперь не спал, а все

бдел. И добился таких некоторых успехов, что даже купил себе подержанный мотоцикл с коляской. Сам привел его в работоспособное состояние. Ездил на мотоцикле по грибы, по ягоды и бить кедровые орехи. Хорошо ездил мотоцикл и очень быстро.

Короче, разворовали однофамильцы весь склад.

И, конечно, в конце концов все их хищения и злоупотребления вскрылись. Был суд, и многие однофамильцы отправились по этому случаю в дальние края исправлять свои ошибки.

Из всей компании только один дядя Леша и остался дома, потому что он как-то раз поехал на мотоцикле, наскочил на «БЕЛаз» да и разбился на смерть. Знаете, «БЕЛаз» какая мощная машина? У ней одно колесо и то в два раза больше, чем весь дяди Леша мотоцикл. Так что он, стало быть, умер. Его похоронили; и он теперь один лежит в земле.

Странные совпадения. Странные. А еще когда он был живой, то приехал как-то в райцентр и зашел в экономическую лабораторию, в кабинет, обитый дермантином, где Мазепа разговаривал неизвестно с кем по трубке белого телефона.

Он зашел и сказал:

— А ты был прав, Василий.

На что тот отвечает:

— А я всегда прав.

— Молодец. А я тебе гостинец привез. Стекла-куб маленько...

— Да зачем оно мне? Из него в квартире ничего не построишь. Я уже пробовал. А, впрочем, давай, раз привез.

И родственники вышли на улицу. Там стоял мотоцикл. Но там стоял мотоцикл и только. Мешка уже не было. Мешок украли воры. Дядя Леша огорчился и стал хлопать себя руками по штанам галифе. А Мазепа сказал:

— Черт, жуликов развелось!

— Странные сопадения! Очень странные! И почему именно у нас в районе? Может быть, у нас какой-нибудь особый район, а? И вообще, что автор имеет в виду? — может поинтересоваться какой-нибудь дотошный читатель.

Нет, читатель! Я ничего не имею в виду. И район у нас обычный, и обычные жители. Есть хорошие, есть и плохие. Я сегодня рассказал про плохих, а завтра расскажу про хороших. Обычный район и обычные жители. Одно только вот, что по странному совпадению многие из них носят звонкие фамилии знаменитых людей.

*Красноярск.
Сентябрь 1970 года*

Светлана Васильева

Вечная Жена Чекиста

Осень в родном городе, осень...

Этим все сказано. Кончилось лето жаркое, а вместе с ним — летние вакации, релаксации, провокации; дальние путешествия, путевые заметки, алфавит несущегося пространства; пиво на полустанке, огромные виноградины, наполненные хмельным черным соком, обжигающий картофель в зеленом укропе; пересадки, перепалки, дурные вести по телевидению и радио, хороший прогноз погоды на завтра... Все кончилось и уже до следующего лета не будет. Птицей туда-обратно промчался твой скорый „Москва — Симферополь“, а там, в небе, где теперь, должно быть, грохочет его железный двойник, тебя больше нет.

В окно от земли тянет гнилью, сыростью. Деревья уже начали осыпаться, но все равно, за лето разросшись, стоят так густо, что белого света за ними не видеть, и, может, его на самом деле нет.

А что есть? Вот эта серая решетка на грязном стекле под „Средние века“ — муж специально заказывал для своей стареющей прекрасной дамы, чтобы ее не слишком волновали чужие шаги там, по земле, за окном.

По эту сторону решетки — мещански изысканный интерьер с индийскими коврами, немецким видиком, картинами модных когда-то художниц, семейными фотографиями разных периодов жизни и творчества, чешским гарнитуром „Лион“, разбросанными чернобурыми животными, колготками, фолиантами, почти готовым запасом продуктов, различных приправ, специй, осыпающихся на

голову, когда неосторожно открываешь стенной шкаф. (Говорят, что в дом, где есть все, приходит смерть, однако, тьфу-тьфу-тьфу, что-то не является она за моей полной чайшей; „бункер Гитлера и Евы Браун“, шутит мой благоверный, бывший пламенный Чекист)

По другую сторону, как мы уже определили, — осень, вышеупомянутые деревья. Преимущественно клены, желтые до боли в глазах. Листья падают, падают, падают... На сиротеющей ветке висит половая тряпка, истончившаяся до черной вуали. Висит тут уже года два, вот и истончилась. Чего только не бросают сверху все одиннадцать этажей нашего кирпичного благоустроенного дома! Думают, наверное, что не на землю бросают, а в стратосферу, и к ним никогда ничего не вернется. Ходят по свалке и радуются, зато у них там наверху — чисто.

Но им меня не достать. Потому что мир за моим окошком, вся его невидимость, тоже постепенно истончился и теперь лежит прямо у меня перед глазами, как на ладошке моего бывшего маленького сына, когда тот давным-давно протягивал мне какую-нибудь грязную

щепочку или палый листик. Надо лишь слегка наклониться и увидеть. И все увиденное откровенно описать. Предельно откровенно. Предельно... То есть так, чтобы никто до конца не допер и тебя окончательно не достал.

Вон же, вон — и воробушек по земле прыгает, крестики в ее черноту впечатывает, вот и камушек какой-то особенный, краеугольничек под первым снежком блестит. Однако почему-то не они подманивают и ловят мою мысль! Не они, а эта проклятая воздушная труба между домами. Образуется она чаще всего в новых микрорайонах от неправильного строительства улиц и отсутствия дворов. Раньше в городе весь воздух был надежно упрятан в старинные соты домов и переулков, как медом наполняя пространство, а теперь вот летит безумной стрелой насквозь, перечеркивая тебя своей горизонталью. Вместе с воробушком и камушком затягивает куда-то, неизвестно куда, оставшуюся душу выдувает.

Осенью в родном городе всегда так...

Поэтому, хоть я и живу на первом цокольном этаже, но желаю себя видеть совершенно по-другому:

высоко-высоко над всем миром стою, на балконе девятого этажа в дивном городе у воды, прямо с видом на эту самую воду. Полжизни можно отдать за то, чтобы так хоть десять минут постоять, а я стою уже день, два, три, все свои двадцать четыре полных путевочных дня. Стою. Еще не старая, хоть уже и немолодая, прекрасная гордая женщина времен рухнувшей перестройки, и женская творческая энергия так и лезет из меня, пытаюсь слиться в экстазе с этим вечно волнующим синим чудом природы.

О, ничто меня не завораживает так, как море! Его вечно живая, животворная, прозрачно-плотная движущаяся масса, столь не похожая на нашу земную, твердую и неподвижную.

Наверное, любовь к воде — мое единственное наследство. Потому что дед еще до того, как ему стать пламенным Чекистом, плавал матросом по Волге на барже, которой вслед за своим дедом по всем законам собственности должен был бы обладать как хозяин. Впоследствии, уже став пламенным Чекистом, он любил раздеваться до исподнего и, выйдя в гостиную, оглушительно петь:

*Эй, баргузин, пошевеливай вал,
Молодцу плыть недалечко!..*

Именно эту песню он и исполнил моему будущему папе, когда тот пришел просить прекрасную руку моей будущей мамы: деду, помнится, не по душе пришлись „паньские“, вытянутые тонкими крыльшками усы и слегка восточный разрез глаз незваного жениха.

— Ты зачем усы носишь? — спросил дед, ткнув в папину черную птичку.

— Но ведь и вы, уважаемый Петр Александрович, как будто тоже носите, — мужественно отчеканил папа, фронтовик-герой и боец будущего невидимого фронта.

— Да! Я ношу?! — И он провел мощной пятерней по раскидистым „тараканьим“ усам своего времени, после чего и спел про баргузина. Не смогли его также убедить и вовремя предъявленные документы, основные сведения которых явно складывались в пользу их владельца. И только долгие годы последующей безупречной службы отца на невидимом фронте отчасти примирили всех и обеспечили мир и покой в нашей разнокалиберной семье, многие члены которой уже вымерли, царство им небесное, вечный покой. Но прежде, чем случилось, семья подарила миру дочь, то есть меня, названную уже в духе своего времени — Надеждою.

Мне, однако, суждено было внести в семейную ментальность определенные коррективы в виде слишком уж яркого женского начала, и если дед любил плавное, плановое речное течение, то я — необузданность и бескрайность водной стихии. Причем умом-то я понимаю, что если всей этой влажной, сверкающей массе надоест плескаться у наших ног и она двинется прямо на нас, то несдобровать никому! Но именно эта покойность зеленого чудовища умиляет меня больше всего и — завораживает, завораживает, завораживает... Говорят, кило картошки этой зимой будет стоить в столице бывшей Родины сто долларов. Говорят, что каждого двадцатого числа каждого месяца смело можно ожидать конца света. Не верьте! Потому что вот сейчас, сию секунду морская лавина запросто может двинуться прямо на нас, на меня — и больше вообще ничего не будет. Но она спокойно лежит и смотрит. И все — есть. И я есть, даже что-то мурлыкаю себе под нос. Нам друг друга не достать.

Все хок кей, как любит говорить мой муж! Я стою на балконе. Под моим балконом стоит мальчик. Он тоже всегда тут, как море. Очень красивый мальчик, из нашего молодого коммерческого кино невысокого пошиба — в кожаной короткой курточке и очках-„макнамарах“. Весь день он обычно проводит тут, в здешнем баре на первом этаже нашего Дома для творческих работников. Наверное, охранник или рэкетир — обязаны кормить и поить круглые сутки, впрочем, я в этом плохо разбираюсь. Кто вы, кто вы, доктор Зорге?... Всегда, когда бы не спустилась вниз, встречаюсь с его „макнамарами“, но, слава богу, никогда не заговорил, оскорбив словом. Раз слышала, как по телефону высвистовал девок и какую-то Изауру, а на следующее утро, когда я выходила на завтрак, спал прямо у дверей, закинув красивую гордую голову — не чувствовал, что смотрю. Вот и сейчас не чувствует. Ногу в джинсиках на парапет поставил, покуривает, поглядывает. Так спокойно, ей-богу, смотрит

через амбразуры кипарисов. И я бы сказала, даже поплеывает на меня, хотя я стою сверху, а он снизу. Хорошо, что никогда-никогда его больше не увижу, ни на одном из своих витков. Это называется другое поколение. Это называется чужая юность. Это называется жизнь, которая от тебя уходит и тянет за собою цепочку оставшихся дней, словно чья-то рука тянет шарфик с твоего охрипшего горла — попробуй удержи, мигом затянет в петлю. Прочь, прочь!... Года еще через два или пять все окончательно определится. Мальчик подъедет к дверям Дома на собственном „мерседесе“ в новой курточке, а я выйду навстречу еще более талантливая, роскошная, старая, расплзающаяся вширь и вниз. К тому времени призрак бедной каморки с неработающим сортиром и порновырезками по стенам, в которых он живет с полусумасшедшими стариками-родителями, уже перестанет преследовать его из-за вершин кипарисов; привыкшие к запаху бедности и тления, его ноздри перестанут вздрагивать, вдыхая мой „Опиум“. Вполне возможно, что он даже снимет свои „макнамары“, и я увижу в его глазах ту же обреченность, что он сейчас может разглядеть в моих, не защищенных черными стекляшками. А мои глаза к тому времени вовсе утратят соответствующее зеркальное выражение, и я, наконец, явлюсь тем, что я есть: Вечной Женой Чекиста, сокращенно ВЖЧ, которой вечно любящий муж исправно достает путевки в означенный Дом. Хоть я и не принадлежу в должной мере к людям творческого цеха, будучи скорее работником того же скрытого идеологического фронта со стороны семьи и лишь на досуге пописывая для души стихи; и, что скрывать, могла бы всегда иметь место в одном из высочайших санаториев от Фороса до Женевского озера, но все ж люблю я, люблю погреться здесь на солнышке возле их, так сказать, костров, куда бросают они, испепеляясь, свои жизни ради служения великому делу Литературы. Слезы восторга, жалости, умиления наворачиваются на мои глаза при виде их экзотически строгих и одновременно бесконечно женственных ликов — перед лицом железной необходимости этого мира; всякий их может обидеть, как у нас, женщин, всякий имеет, как хочет, вплоть до моего благоверного...

Продолжение следует

Кира Сапгир

«Ткань жизни»

Главы из романа

Тайная вечеря Дисси или заговор приглашенных

Итак, причастность к Заговору Приглашенных. Кровавая тайна. Не дай Бог, участнику Заговора выболтать Кровавую Тайну непосвященному — наживешь в хозяевах вечных врагов.

Тем не менее о Тайной Вечере знает весь город.

Подбор гостей — дело тонкое. Не дай Бог, у тебя на Тайной Вечере кто-то столкнется с бывшей женой/мужем! Или же член одного клана с другим! А то придет кто-нибудь да и уведет из-под носа твоего Праведного Туземца (Негодяя), Преданного до Гробовой Доски, бля!

Однако как не тихушничай — так или иначе все тайное станет явным.

Непосвященные в Заговор Приглашенных пытаются проникнуть. Перед Тайной Вечерей на хозяев с утра до вечера идет психическая атака по телефону. Вдруг у многих намечается внезапный повышенный интерес к здоровью хозяина, хозяйки, их чада, тещи, снохи, ну и так далее. Затем вкрадчиво щупают почву: «Что-то мы давно не виделись, старик. Не собратсья ли... у тебя?»

Либо брякают без обиняков: «Слушай, старик, у тебя собираются. Можно, я приду?» Тогда хозяйка начинает следствие: «Кто сказал?» Не дай Бог, проговориться!

Есть и Десантники, которые сваливаются, как снег на голову, — якобы случайно. Знали бы — не пришли ни за что, бля! Они, бля, никогда не являются на Пиршество без приглашения!

В фарватере у Десантника — чужая/ой разведенная/ый жена/муж — к ужасу хозяев!

Гости собираются

Входящих хозяева щедро одаряют приветливой улыбкой, согласно заветам в руководстве Карнеги «Как преуспеть в обществе». Все целуются, здороваясь друг с другом (дань туземным обычаям) — кто двоекратно, кто и троекратно. При этом не без кокетства спрашивают: «Как это по басурманским правилам? Я что-то запомнил...» Особо щедрые целуются аж четырехкратно! — но от этого вреда большого нет, из с па?

Первыми на пиршество обычно являются разведенные жены. Смирно садятся рядом у стеночки. Многие из них так и просидят до самого конца.

Входит ударный отряд Бородатых Гениев с батареей бутылок вина «Жак Кер» наперевес.

Являются хмельные забулдыги-Переводчики в затрепанных куртках от Пьера Кардена.

Впархивают вакантные Переводчицы в вуалетках — в их сторону хищно косится

Блудный ДИССИ из стана туземцев

Его дежурная фраза: «Я так давно не общался с нашими»

Блудный ДИССИ читит туземные обряды и обычаи. Утверждает, что последние пять-десять лет спал лишь с туземками (их главная прелесть в том, что с ними он в постели разговаривает по-басурмански). Утверждает, что, к счастью, отвык от нашенской фени и нашенского Мирка. Утверждает, что страшно опасался все эти годы попасть вновь в оставленный много лет стан Дисси и что ему чуждо все-все-все (на самом деле отвыкал долго и мучительно).

Хочет выглядеть лихим циником: мужчин зовет самцами, женщин — самками, но сердце у него одинокое, тоскующее, трепетное, как у газели.

Рано или поздно его обязательно заносит в Мирок.

«Вновь я посетил...»

Элегия

Попад на Тайную Вечерю, сперва ошеломлен: «Куда я попал?!»

Сентиментально вздыхает: «Опять я здесь!»

Хищно приглядывается к вакантным самкам и видит, что они хороши.

Крякнув, опрокидывает стопку за стопкой водку-мэзон, проявляя все больший интерес к вакантным самкам — они жопастее Туземок, бля, и душевнее!

Просит хозяйку тут же познакомить его с самой жопастой из вакантных самок, указать, какую из них можно немедленно трахнуть, бля! Хозяйка указывает на подходящую.

Блудный Сын в восторге. Впоследствии непременно влюбляется в самку, обретенную в Мирке — у нее и жопа и душа хороши, и с ней, к счастью, не надо пиздеть в постели по-басурмански.

К концу вечера возвращение Блудного Сына идет вовсю. Убыстряя абсорбцию, водка-мэзон, от которой он, как зверь, завоюет, то заплачет, как дитя. Рыдая, поет песни Хвостенко, говорит на усложненной матерной фене, вытащив из подсознания все ее семантические оттенки, что таких баб, конечно, среди Туземок нет и быть не может, бля!

Разумеется, уйдет с вечеринки с вакантной Переводчицей. Она-то и довершит возвращение Блудного Дисси.

Естественно, на Тайней Вечере Дисси налицо — Праведный Туземец (Негодяй) — с ним в обнимку уйдет с вечеринки, конечно же, Десантник!

Непреренно является, почуяв запах жареного, чета Бобок.

И сваливается, как снег на голову, окаянный ГОСТЬ ИЗ СТРАНЫ ПЕРЕСТРОЙКИ.

«Париж, бля!»

ОНИ прибывают из Страны Перестройки на Северный вокзал...

Итак. Мой совет. Никогда не подходите к телефону в те часы, когда на Северный вокзал прибывает поезд с Пришельцами из Страны Перестройки. Уйдите из дому, вырубите телефон, забаррикадируйтесь — словом, держите круговую оборону. Иначе в этот роковой час прозвонит телефон. И в трубке раздастся голос, звенящий от счастья:

— Я в Париже, бля!

Ты сдержанно радуешься. Желаеть Пришельцу приятного пребывания в Париже (Нью-Йорке, Тель-Авиве, Монреале).

Пришелец объявляет, что в Москве (Ленинграде, Киеве) ему сказали, что ты — самая Светлая Личность в Париже (Нью-Йорке, Тель-Авиве, Монреале). Ты мягко протестуешь, Пришелец сообщает, что Верная и Преданная до гробовой доски семья Туземцев, пригласившая его, сейчас совершенно неожиданно отбыла в кругосветное плаванье на семейной яхте. В связи с такими неожиданными обстоятельствами они не могут в ближайшие три часа заехать за ним на вокзал, чтобы отвезти в семейном Мерседесе в свой семейный замок (бильдинг). Просит разрешения на эти три часа поставить чемоданы у тебя на собачьем коврикe. Ты угариваешь ждать Верных и Преданных Туземцев на перроне Северного вокзала. Говоришь, что у тебя — пещерные

условия. Все напрасно. Твои координаты даны Верным и Преданным Туземцам еще в Москве (Киеве, Ленинграде).

Поняв, что сопротивление бесполезно, ты покорно даешь адрес своего логова в ССЧЧ.

Пришелец подъезжает на такси; о ужас! он — не один. С ним — Дитя. Оно тоже приехало дышать воздухом Свободы.

И пока ты расплачиваешься за такси, они уже успели развесить в твоём пещерном шкафу свою одежду.

— А где у вас компьютер? — войдя в пещеру, спрашивает Дитя.

Происходит братанье. Тебе вручают Дары Перестройки: кильки в томате и водку. Вручая Дары, твой гость благородно предупреждает, что их нельзя: а) достать, б) потреблять. Хищно косясь на холодильник, уверяет, что в Париже им ничего не надо, бля! Что они будут, бля, дышать парижским воздухом, питаться сухой корочкой!

— А почему тут видики? — спрашивает Дитя.

Растроганно ты приглашаешь их к столу — отведать горький хлеб Чужбины. Гости хищно накидываются на твой холодильник; но им стыдно есть все эти продукты Гнилого и Дикого Запада в то время, как у их братьев, этих Несчастных, нет ничего! Вы пьете привезенную из Метрополии водку, которую нельзя: а) достать, б) пить. (Дитя скромно пьет на равных). Гость торжественно клянётся принять тебя по-царски в Большой Зоне, где у него — миллионы. Предлагает создать совместное предприятие. Предлагает лес в обмен на зубные щетки, а презервативы — на бокситы. Ты горячо противишься соблазну изобилия, говоришь, что не веришь Перестройке. Гость тоже ей не верит. Призывает тебя не верить ей, не верить никому и ничему, а в особенности ему! Он сам себе не верит. Он — Троянский конь Перестройки!

Время от времени ты осторожно осведомляешься: как же там Мишель (Элен, Джон, Джозан, Жан-Пьер), коим были даны координаты еще в Москве (Киеве, Ленинграде)? Но уже понимаешь, что сопротивление бесполезно и что они останутся у тебя в логове, на твоём собачьем трехспальном коврикe.

Окрыленные, утром они идут дышать воздухом свободы в магазин «Тати», где все — дешевле грибов. (Ты покупаешь им месячный билет в метро). В первые же дни они превосходно осваивают город — вскоре узнают его, как свои пять пальцев. Опьяненные воздухом Столицы Столиц, являются к обеду, обвешанные сумками из «Тати». О, как эти товары необходимы в Метрополии, где нет ничего! Где их Несчастливым Братьям понадобится все!

Однако вскоре их чистая радость будет омрачена. Им, бля, не повезло. Ведь пока они, бля, топчутся у «Тати», их соотечественники, более счастливые Несчастные из Страны Перестройки, Где Ничего Нет, уже успели купить себе японскую вязальную машину дешевле грибов. К тебе относятся уже покровительственно, но и чуть свысока: ты ведь фраер и растяпа, пещерный житель, не умеющий жить на Западе, Диком и Гнилом. Дитя дает очень дельные советы, как прожить в Париже, бля..

Однажды звенящим от счастья голосом твои гости объявляют, что им неслыханно повезло: есть возможность приобрести в «Тати» компьютер дешевле грибов! Ты сдержанно рад. Но мягко пеняешь при этом, говоря о соблазне избобилия в этом обществе потребления.., ну и так далее. Проклиная про себя фраера и растяпу, у которого им выпало несчастье жить в Париже, бля, Пришельцы уверяют, что компьютер нужен в Большой Зоне, как воздух. Говорят, что достать деньги на компьютер — дело твоей совести! Ты просто обязан, бля, достать их из-под земли! Мягко скрежеща зубами, ты достаешь из-под земли деньги. Осторожно осведомляешься при этом, не появилась ли на горизонте семейная яхта, где Верные и Преданные Жан-Поль, Синтия и Мишель? Однако горизонт чист.

По вечерам Пришельцы повторяют уже слегка пресыщенно:

— А хули Париж, бля!

Дитя ведет по вашему телефону переговоры шепотом, время от времени что-то подсчитывая на карманной машинке.

Наконец однажды Пришельцы ублаженно произносят:

— А хули Париж, бля? Свой век надо доживать у родных могил!

Трепеща от восторга, ты собираешь их в путь-дорогу. Отдаешь им весь свой гардероб, специи, ботинки, туфли, початые духи, радио-аппаратуру, пластинки — словом, готов отдать все-все-все, чего в Большой Зоне нет...

В день отъезда, трепеща от нетерпения, ты помогаешь им загружать в Мерседес, купленный по случаю дешевле грибов, видик, вязальную машину, компьютер... Небрежно пообещав в Метрополии царский прием, Пришелец отбывает с Дикого и Гнилого Запада, полного соблазнов, доживать свой век у родных могил:

— Париж, бля! — слышится последний раз на прощанье в дорожной пыли из загруженного до крыши Мерседеса.

Рыдая от счастья, ты летишь на крыльях к себе в логово.

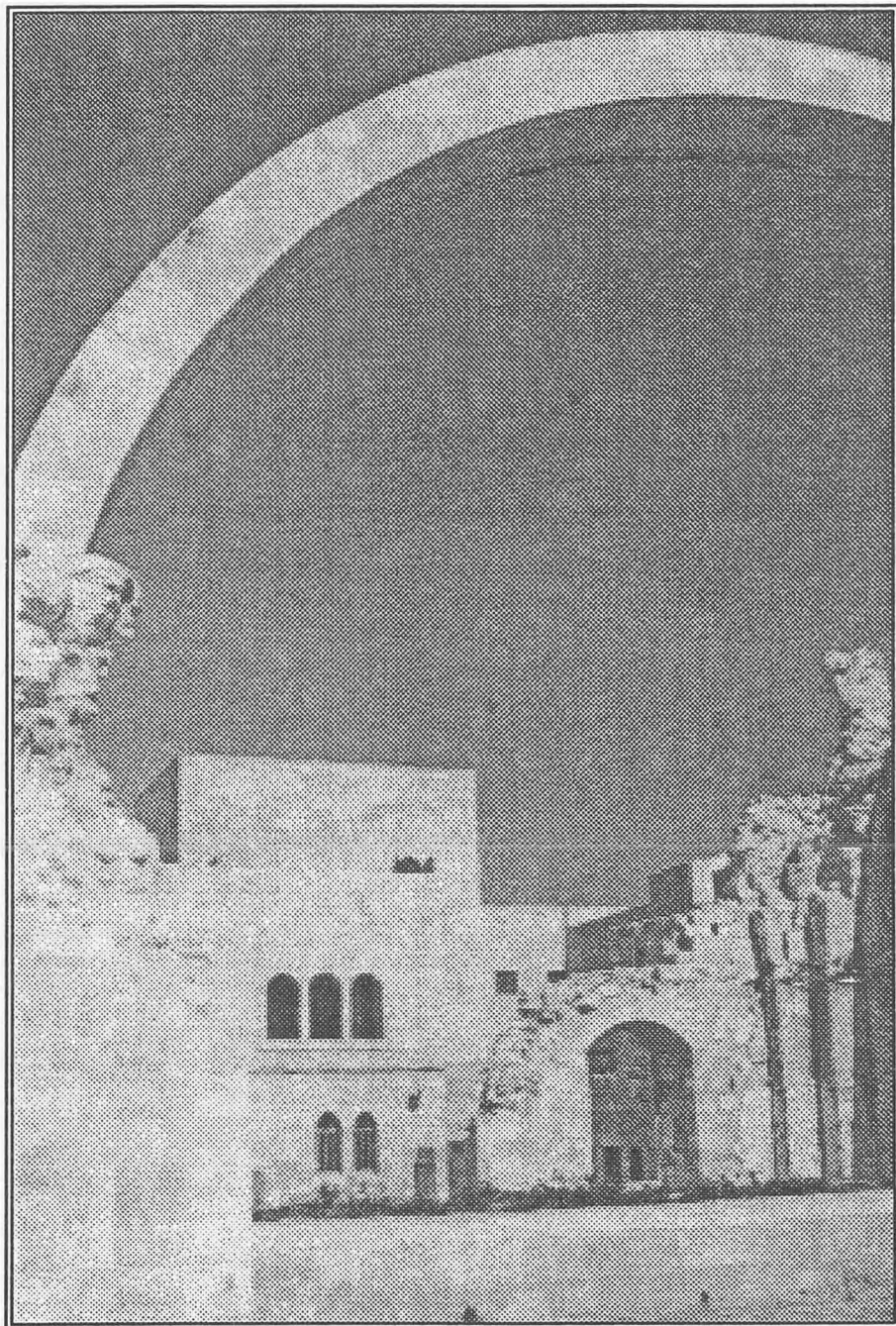
О, ужас! Там — Дитя! В загруженном до крыши Мерседесе ему не хватило места, и оно выбрало Свободу, бля!

Дитя остается у тебя на твоём собачьем коврикчике!!!

Ты рвешь и мечешь. Противишься всей душой дикому желанию Дитяти остаться на Западе, Диком и Гнилом! Напрасно ты пытаешься отговорить Дитя от рокового шага. Рыдая от ужаса за него, дозваниваешься в Москву (Киев, Ленинград), убеждая Благородного Родителя уговорить заблудшее Дитя вернуться к родным могилам!

— Это дело его совести! — холодно обрывает разговор Благородный Родитель — и вешает трубку. Больше он ее не подымет.

Вот такая гребаная история, бля.

Лена Кешман

МОЛИТВА О ДОЖДЕ

Зима в нынешнем году в Израиле — на редкость теплая и сухая.

Если не считать неожиданно обрушившихся на пустыню Негев дождей, из-за которых там случилось наводнение.

До самого Нового года было необычно тепло — так, как в Москве бывает в короткое бабье лето, и даже теплее. В синагогах молились о ниспослании дождя не только потому, что дождь наполняет Кинерет.

Кинерет дает воду Иордану, а уж затем вода эта по бесчисленным трубам и трубочкам растекается во всех направлениях, и затейливая черная сеточка — водоносные сосуды — проглядывает под апельсиновыми деревьями и кустами рододендронов, под пальмами и соснами, под яблонями и платанами везде и всюду, по всей земле Израиля...

Молятся о дожде в синагогах еще и потому, что дождь для евреев — это символ благоволения Господа, если идет дождь, значит, Господь орошает живительной влагой землю обетованную и обретенную, дает народу избранному знак своего присутствия...

Молитвы ли помогли или так уж было само собой решено на небесах, но в первый же день нового, 1994 года, дождь пошел. И уже не о дожде, об ином возносили молитвы тысячи евреев, собравшихся 3 января у Стены плача, — о том, чтобы не допустил Всевышний мирового соглашения с палестинцами, чтобы спас страну от палестинской автономии...

В Израиле верят в чудеса, верят в силу молитвы. Верят в то, что вложенные между древних камней уцелевшей стены Храма, написанные на клочках бумаги прошения будут исполнены.

Нет сегодня другой, более важной темы в Израиле, нежели переговоры с Арафатом. Все ушло на второй план: итоги года, экономика, курс акций на бирже, забастовки, даже повышение цен...

На стенах домов, заборах, рекламных щитах — портреты

премьер-министра Рабина: голова замотана арабским платком, куфией, не разберешь издали, не Арафат ли это...

На демонстрацию в восточную, населенную арабами часть Иерусалима сторонники рава Кахане, каховцы, принесли плакаты: “Рабин — мусульманин”, “смерть Рабину”, “Смерть арабам”, “Полицейское государство”... Каховцы — крайне радикальная партия, которую уже второй год подряд Высший суд справедливости не допускает к выборам в Кнессет — за расизм и призывы к свержению существующего в Израиле строя.

120 тысяч жителей территорий — поселенцы Иудеи, Самарии и Газы — обвиняют Рабина в сделке с Арафатом, но на сей раз именно поселенцы, пришедшие на ту же демонстрацию в Восточный Иерусалим, устроили потасовку с каховцами, и пришлось полиции вмешаться...

В 30 городах Израиля в первый рабочий день нового года оппозиционный правительству правый блок во главе с партией Ликуд организовал демонстрации. Бывший премьер Ицхак Шамир, нынешний лидер Ликуда Биньямин Нетаниягу — все участвовали...

Евреи хотят мира, но не любой ценой. Это — лозунг оппозиции. Иерихон и его окрестности, сектор Газа — области, в которых палестинцы должны установить ограниченное самоуправление. Жители поселений, находящихся в непосредственной близости от этих районов, опасаются, что они окажутся в “еврейском гетто” на чужой территории. Всерьез говорят о том, что автономия — лишь первый шаг к созданию самостоятельного палестинского государства... И так же всерьез обсуждается проблема: как будут жить евреи в своих, огороженных колючей проволокой поселениях в чужой, и главное — не дружеской стране... Религиозные сионисты предъявляют Рабину счет: зачем евреи пролили так много крови, зачем они вложили столько жизней, если Рабин готов отдать часть Святой земли арабам.

Активисты Хамаса, которые возвратились перед Новым годом из “ливанской ссылки”, тоже недовольны ходом переговоров: они обвиняют Арафата в предательстве и попрании интересов палестинского народа. Опрос среди жителей сектора Газа показал, что 40% палестинцев не хотят мира с евреями.

Арафату приходится вертеться из последних сил: король Иордании Хусейн торопит: ежели Арафат в ближайшее время не подпишет соглашения, Иордания будет строить свои отношения с Израилем самостоятельно. Противники Арафата в ООП, кажется, ждут лишь удобного случая, чтобы скинуть своего лидера и заменить его более последовательным “защитником палестинских интересов”. Время от времени появляются сообщения о готовящихся на палестинского лидера покушениях. В Израиле шутят, что его безопасность

обеспечивает Рабин, — иначе не с кем будет вести переговоры. Можно было бы посочувствовать, но в Израиле Арафату, кажется, не сочувствует никто. Арик Шарон — “бульдозер”, прославившийся своей жестокой политикой во времена, когда он был комендантом в Газе, заявляет прямо: “Единственный человек, который точно знает, что ему надо и неукоснительно добивается нужного — это Арафат”...

Высказывания Шарона-“бульдозера” публикуют все газеты, а переговоры пока буксуют... Время покажет, кто чего добьется.

Трудовая партия и сторонники левого крыла оценивают позицию правых, в том числе Ликуда, в лучшем случае, как сверхосторожную, в худшем случае, как параноидальный фанатизм на почве “комплекса Масады” (защитники легендарной крепости предпочли самоубийство сдаче римлянам).

Ликуд и правое крыло оценивают позицию левых в лучшем случае — как наивный оптимизм, в худшем — как предательство и пораженчество.

Во всех этих перипетиях активно участвуют и “олим хадашим ми русия”, новые репатрианты из России, или, как здесь их называют (видимо, для краткости) — русские... Бывшие советские евреи шутят: “Для того, чтобы, наконец, перестать быть евреями, надо было давно приехать в Израиль”. “Русские” представлены во всех противоборствующих израильских партиях, объединениях и движениях, от крайне левых до радикально правых.

Кажется, их нет только среди коммунистов...

Каждые две недели бывший московский журналист Сергей Макаров выпускает на английском языке дайджест русскоязычной израильской прессы, посвященной проблемам “русских”... Проблем много, по большей части это типичные проблемы эмигрантов: работа, жилье, язык, деньги, дети... Ни одна израильская газета этот дайджест не выписывает. Мало интересно то, что пишут “русские” про себя и про свою жизнь в Израиле и официальным учреждениям — таким, как Министерство по делам иммигрантов (Министерство абсорбции), Министерство труда и социального обеспечения, Еврейское агенство (Сохнут) и прочие.

Основные читатели — корреспонденты крупнейших западных газет...

Зато “русским” интересно знать, что о них пишут в израильской прессе, во всех русских газетах постоянно печатают переводы из “Маарива”, “Едиот Ахронот”, “Хаарец”, “Джерусалим Пост”... Из этих источников “русские” узнают много интересного и нового о себе...

Например, познакомившись с официальными отчетами об итогах прошедшего года, “русские” с удивлением обнаружили, что живут они вполне прилично: две пятых всей огромной массы репатриантов, приехавшей за последние пять лет (полмиллиона), купили собственные

квартиры. Ни в одном отчете, правда, не сказано, что покупать квартиры на долгосрочную ссуду, которая у большинства “русских” превышает 95% стоимости, приходится прежде всего потому, что невозможно снимать жилье. В Израиле практически нет защиты прав квартиросъемщиков, договоры на съем жилья оформляются не больше, чем на год, и ничем не ограничено право квартировладельца повысить через год цену хоть на 100%. Приличное съемное жилье недоступно малообеспеченным семьям, а таких среди русских — большинство.

О бедности “русских” мало говорят в Израиле, но о ней, в принципе, все знают. За последний год стоимость рекламы в русскоязычных газетах упала в десятки раз. Рекламодатели быстро поняли, насколько низка покупательная способность “олим хадашим ми русия” и перестали заманивать их в свои магазины и бюро услуг. В какой-то степени это подтолкнуло самих русских на деловую активность: открываются мелкие предприятия, магазины, ателье, мастерские по ремонту электроприборов, по изготовлению мебели, создаются бригады по ремонту квартир и пр. Цены в таких “олимовских” конторах гораздо ниже, чем у израильтян.

За 1993 год 500 “русских” открыли собственное дело.

Официальная статистика обрадовала израильтян еще и тем, что уровень безработицы в Израиле практически мало отличается от средневропейского. У коренных израильтян положение немного лучше, чем у репатриантов. Но и у “русских” дела идут на поправку. Если в 1992 году 28% новых репатриантов были безработными, то в 1993 только 18%. Правда, многие безработные русские формально безработными не числятся — это те люди (в основном, старше 40 лет, с высшим образованием), которые перебиваются случайными заработками, но не ходят отмечаться на биржу труда, так как оттуда их посылают на “общественно-полезные” работы: строительство дорог, уборку гостиниц, мытье посуды в ресторанах...

Немолодые учителя, музыканты, инженеры, бухгалтеры — люди, отвыкшие от физического труда и не очень здоровые, от таких предложений отказываются и выбывают из списков безработных, одновременно лишаясь пособия по обеспечению прожиточного минимума... Тем самым улучшая статистику и экономя деньги Службе национального страхования. Те же, кто идет на предложенную работу, получают минимальную оговоренную законом плату (около 8 шекелей, то есть чуть больше 2,5 долларов в час), которой не хватает, чтобы оплатить стоимость съемной квартиры, а времени на подработку уже не остается... Многие “русские” живут в коммуналках — снимают на две семьи одну квартиру. В Иерусалиме и Тель-Авиве это случается довольно часто.

В отдаленных районах страны жилье дешевле, но там не всегда можно найти даже низкооплачиваемую работу. В конце декабря перед зданием главы правительства в Иерусалиме несколько сот ученых из бывшего СССР провели театрализованное шествие — они требовали от Рабина обратить внимание на, мягко говоря, грустное положение бывших ученых. Символом шествия стала швабра: большинство кандидатов и докторов наук зарабатывает на жизнь, занимаясь мытьем полов. Результат демонстрации превзошел все ожидания: участники разъехались по домам с новыми швабрами, а через два дня министерство абсорбции официально объявило, что у ученых из России положение самое замечательное: среди 9 тысяч научных работников 6 тысяч работают по специальности...

Министр, правда не уточнил, что практически все эти 6 тысяч работают на временной “стипендии”, выделяемой Министерством абсорбции.

Стипендию (около 500 долларов) дают на два года.

После окончания этого срока немолодые люди в возрасте 45-60 лет опять оказываются на улице... И вынуждены браться за швабру...

В принципе, в Израиле понимают, что ситуация с “русскими” не так хороша, как хотелось бы, но все трудности считаются естественными, неизбежными, и надеются на то, что все как-то само собой устроится. Так всегда бывает в Израиле... В конце концов, не только “русским” жить тяжело. И за права малоимущих ведется борьба в Кнессете. Под давлением социального лобби выделено дополнительно несколько миллионов шекелей в бюджете следующего года на социальные нужды, заодно увеличен бюджет министерства абсорбции.

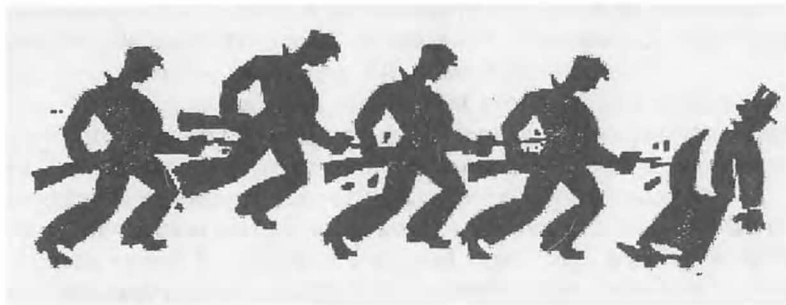
А пока шла борьба за новый бюджет, пока статистическое бюро сводило годовые цифры, израильские “русские” встречали Новый год — с елками (почему-то так здесь называют можжевельник), с бенгальскими огнями, с “Советским шампанским”, которое на поверку оказалось вовсе не шампанским, с пожеланиями счастья в наступающем году.

А в счастье, как в чудо, израильтяне верят свято.

Говорят, что среди всех народов мира израильский народ на втором месте по оптимизму. На первом — китайцы, а на последнем — украинцы... Об Украине не берусь судить, а об Израиле наш президент Эзер Вейцман так прямо и сказал: “Сегодня ситуация в Израиле превосходна и с точки зрения международных отношений, и в плане экономического развития. Будем надеяться, что у “русских” в Израиле не найдется причин не верить президенту.

Илья Смирнов

Битва с дураками

*...Бой с головой
затекает еще один витязь,
в упор не признавший своей головы..*

Александр Башлачев.

После выборов вся так называемая «демократическая общественность», она же «творческая интеллигенция», давно уже не производившая ничего творческого, устроила детский плач на лужайке. Любопытно: когда у них на глазах в Москве расстреливали людей, они не были так сильно взволнованы.

Но итоги выборов вполне закономерны. Предсказали их, правда, не «политологи» (кстати, а кто такие наши «политологи»? Это те, что вчера назывались «доцентами по научному коммунизму»?) Просто переименовали, как Свердловск в исконно-немецкое «Екатеринбург»? Предсказал мой знакомый критик. Цитирую дословно:

— Если считать голоса будут мало-мальски честно, то победителем в балагане, естественно, станет самый талантливый и профессиональный клоун.

Почему «балаган»? Ведь весь мир, напротив, считает, что в России состоялись «первые с 1917 года многопартийные выборы»?

Для ответа на этот вопрос возьмем хотя бы «самый главный» (с точки зрения официальных комментаторов) бюллетень референдума по новой

Конституции. Скажу по секрету, ее не читало большинство москвичей с высшим гуманитарным образованием. Поэтому с таким же успехом к вам мог бы подойти человек и спросить:

— Одобряете ли вы монографию профессора Смирнова-Водкина «Проблемы эволюционного гомогенеза»? ДА или НЕТ?

Причем учтите, что никакие интеллигентские штучки типа: «не читал», «я в этом не специалист» или, например, «одобряю все, за исключением 4-й главы» — никакие попытки увильнуть от прямого ответа у вас не пройдут. ДА или НЕТ?

Сразу оговорюсь, что я, в принципе, не против принятия новой Конституции: хоть как-то, хоть какой-то. Все лучше, чем ничего. Однако сам процесс принятия от этого не выглядит серьезнее.

Второй бюллетень — выборы по партийным спискам. Какие, скажите на милость, могут быть «партийные списки» в стране, где нет никаких партий в европейском смысле слова? Это что — чемпионат Экваториальной Африки по игре в снежки? «Партийные» списки, как правило, представляют собой достаточно случайные компании, где номенклатура перемешана с полит-активистами, артистами, «композиторами» типа Газманова и просто богатыми людьми, которые за деньги, вложенные в избирательную кампанию, покупают себе депутатскую неприкосновенность. Поэтому оппозиционность Аграрного Союза олицетворял министр того самого правительства, к которому Союз оппозиционер, а прагматизм и сугубый профессионализм Гражданского Союза — Зыкина с Кобзоном.

И теперь ответьте мне на другой вопрос: сколько мест в парламенте получили бы Жириновский, если бы выборы проходили так, как раньше: по одномандатным территориальным округам? Примерно 2-3. На себя и на пару друзей, которым он успел бы сделать рекламу. А подавляющее число кресел заняли бы местные администраторы и хозяйственники, прагматики, совершенно беспартийные, как и подавляющее большинство российского народа. Но именно это и не устраивало тех, кто определял правила игры, — влиятельные круги московской бюрократии. И они придумали фарс с «партийными списками», якобы в подражание Европе. Строили-то для себя, а получился трамплин для Владимира Вольфовича.

Основной парадокс декабрьских выборов, как и всей российской политики последних лет, в том, что для номенклатурно-финансовой группировки, присвоившей себе высокое название «демократической», главным противником были и остаются вовсе не, как они сами говорят, фашисты, а ЦЕНТРИСТЫ. Вспомните, с чего началась политическая карьера этих господ? С того, что ради свержения Горбачева они вступили в союз с откровенно коричневыми силами в республиках. Возьмем более свежие факты. Председатель Конституционного суда, главный редактор «Российской газеты», несколько губернаторов, два самых популярных в стране тележурналиста (Любимов с Политковским) — все эти люди были устранены в грубой, местами издевательской форме и без малейших на то законных оснований. Потому что они мешали. А Жириновский — не мешал. Даже помогал в предыдущем балагане (так называемом «Конституционном совещании»). Не мешал и Баркашов, устроивший свою штаб-квартиру на Петровке, в двух шагах от ГУВД. Я, кстати, склонен полагать, что штаб-квартира скоро откроется снова: на случай осложнений с новым парламентом пригодятся фотомодели со свастиками. Сравните, например, как сложилась судьба двух запрещенных газет: центристская «Российская газета» вырублена под корень,

под ее названием выходит совсем другое издание. Можете приобрести в любом переходе метро.

Другой вопрос: вправе ли мы вообще отождествлять жизнерадостного Владимира Вольфовича с национально-озабоченной тусовкой из «Дня», или как он там называется сегодня? Ведь настоящие нацисты, как правило, не допускали «лидера ЛДП» не то что в президиум, даже к микрофону. На митингах он вещал с отдельно стоящего грузовичка. И правильно делали, что не допускали. Потому что Жириновский непредсказуем, как марсианин из грустного рассказа Брэдбери: к каждому он оборачивается таким лицом, какое собеседнику хотелось бы видеть. Вспомните его предвыборные обращения к ветеранам и молодежи, к мужчинам и женщинам, к православным и мусульманам. Уверяю вас, что Клинтону он предложил бы помощь в войне против Саддама Хуссейна. Проблема только в том, что Клинтон с ним не желает встречаться. Хорош ли такой артист в политике? Наверное, не очень (с точки зрения цивилизованной Европы). У власти он просто опасен: может не успеть испривить последствия своего заявления о присоединении какой-нибудь соседней страны. Но на Гитлера он похож не больше, чем Ельцин на Петра Великого.

И избиратели ЛДПР, в массе своей, никакие не фашисты, и вовсе не дураки. Во всяком случае, мне приходилось слышать вполне разумные обоснования их выбора:

— Все равно все политики врут, так уж лучше тот, кто хотя бы врать умеет красиво.

Вспомните, как в 91 году «демороссы» обнародовали географическую сенсацию о том, что в России существует-де отдельно «Россия» и отдельно еще какой-то другой «Центр», с которым надо бороться. Чем эта политическая афера благороднее шуточек Жириновского? И вправе ли смотреть на него свысока те, кто воспринимал как должное пустой «черный ящик» с «Боинга», подаренный корейцам, и «межведомственную комиссию по борьбе с преступностью Якубовского — Макарова, и немецкую автономию на полигоне, и многое-многое другое? Перед ними-то в чем виноват Владимир Вольфович? В том, что превзошел учителя? Не волнуйтесь, господа, пока не превзошел.

Теперь те же самые господа предлагают нам объединяться в «антифашистский фронт». Что ж, идея современная. Угроза фашизма в России действительно существует. Но давайте для начала определим те меры, с помощью которых власти уже сегодня могли бы значительно сократить социальную базу «коричневых» (если они действительно этого хотят):

1. Немедленно очистить государственный аппарат от боевых соратников славного «генерала Димь» Якубовского, который, как известно, по стопам Суворова дошел аж до Швейцарии. Заодно не мешало бы отправить на заслуженный отдых тех «экономистов», которые определили долю каждого из нас в общественной собственности в 23 рубля на брежневские деньги (именно такова стоимость «ваучера» применительно к ценам на важнейшие продукты);

2. Нанести удар по преступности, такой же решительный и жестокий, как осенью конкурентам по борьбе за власть. Я имею в виду не общие пожелания типа «усилить» и «углубить», а совершенно конкретные и простые меры, лежащие — подчеркиваю! — в основном, в пределах уже существующего законодательства, которые специалисты давно уже предлагают руководству, отвлекая его от более важных дел типа отключения телефонов в

Федерации Независимых Профсоюзов или выселение Зорькина с дачи. Перечисляю кратко: восстановить действие 77-й статьи УК в масштабах, соответствующих реальному распространению бандитизма в стране; внести изменения в ст. 102 и 108 в целях усиления ответственности за умышленное убийство при особо отягчающих обстоятельствах; осуществить максимальный перевод финансовых механизмов на безлический расчет и ИМЕННЫЕ ценные бумаги (как раз обратное тому, что сделал г. Чубайс с ваучером).

3. Прекратить антикоммунистическую истерию: заклинания про святого царя Николая Второго и 76 (или сколько там) лет всеобщей деградации, ибо эта антинаучная и безравственная демагогия перечеркивает жизнь миллионов людей разных поколений и закладывает идеологический фундамент под черносотенную диктатуру — ведь черносотенцы никогда ничего другого и не утверждали, только к формулировке «проклятые революционеры» добавляли слово «еврейские».

4. Наконец, собственно борьбу с фашизмом можно начать с решительных дипломатических действий против тех режимов, которые возвели программу «Памяти» в ранг государственной политики. Я имею в виду прежде всего Латвию и Эстонию. И ОДНОВРЕМЕННО (подчеркиваю это слово — одновременно) кончать с открытой нацистской пропагандой в Москве. Есть достаточно оснований для закрытия прохановского издания и ему подобных в законном порядке, по суду.

На мой взгляд, реальная антифашистская политика возможна только на базе нормального, здорового, прагматичного центризма, который исключает демагогию независимо от ее идеологического колера. Любимый аргумент любителей поэкспериментировать на живых людях — что в России-де нет для центризма никакой социальной базы, и единственное, что нам доступно, — выбор из двух разновидностей дряни, какая дряннее. В действительности же мы лишаем себя выбора в тот самый момент, когда в это поверим. Почему это в России нет центристов? Ведь поезда ходят, несмотря на «суверенитеты», свет в квартирах горит, вода из крана хоть как-то, да течет. Кого за это прикажете благодарить? Глеба Якунина? Нину Андрееву? А может, генерала Стерлигова? Да нет. Тот стихийный, неорганизованный здравый смысл, сохраняющийся в народе и спасающий нас пока от погромов и широкомасштабной гражданской войны по «закавказскому» типу, спасающий, несмотря на все усилия безответственных политиков и подпевающих им интеллигентов.

В заключение «Московский комсомолец» от 14 декабря. Сверху большими буквами слова Юрия Карякина про то, что Россия «одурела». Снизу — статья Алеся Адамовича, которого еще совсем недавно зам. начальника главного Политуправления генерал Д.Волконогов публично отчитывал за пацифистические настроения. Теперь сам Адамович кого-то отчитывает за пацифистические настроения. А посредине — статья главного редактора газеты, кадрового комсомольского функционера П.Гусева. В ней сказано следующее (читайте внимательно, вдумываясь в смысл!):

«Да, приняли, кажется, с огромным трудом Конституцию. Но никто демократам не даст повторно расстрелять парламент из танков и пересажать новых депутатов по тюрьмам. Никто, потому что в России начинают править бал сатаны коммуно-фашисты».

Если не поняли, перечитайте еще раз...

Надо ли бояться России?

Майя Лакосте

В последнее время в польской прессе появляются многочисленные статьи, авторы которых ставят вопрос о будущем Польши в складывающейся международной политической обстановке. Журналисты, общество и политики отдают себе отчет в том, что будущее Польши, ее принадлежность к тем или иным политическим или военным блокам обусловлено ситуацией в России.

После визита в Польшу президента Ельцина в августе 1993 года казалось, что отношения между Варшавой и Москвой, наконец, станут обычными отношениями между двумя независимыми государствами. На заявление Валенсы о том, что Польша в

будущем хочет быть принята в НАТО, Ельцин ответил: «В перспективе стремление независимой Польши к общеевропейской интеграции не противоречит интересам других стран, в том числе и России». На пресс-конференции после встречи с Валенсой российский лидер сказал: «Польша и Россия — суверенные государства, решения по своим делам принимают самостоятельно, без инструкций, и к точкам зрения обеих сторон надо относиться с уважением».

Эти слова привели в изумление поляков, которые не забыли еще грубой пропаганды периода советской власти, провозглашавшей вечный союз и дружбу меж-

ду народами, но всегда под патронажем СССР. Поэтому слова Ельцина о суверенных государствах пробудили в поляках надежду на то, что Россия действительно встала на путь демократии и серьезно изменила свою внешнюю политику по отношению к странам бывшего Варшавского договора... Казалось, что встреча Ельцина и Валенсы будет исторической, началом нового этапа в отношениях между двумя демократическими государствами.

Увы, уже через два месяца, когда Ельцину пришлось штурмом взять Парламент, стало ясно, что слова российского лидера о возможности свободного решения вопроса о принадлежности стран Восточной Европы к политическим и военным блокам оказались пустыми: в письме, направленном лидерам Запада, Ельцин заявил, что интеграция Польши, Словакии, Чехии, Венгрии в НАТО кажется ему нереальной.

Поляки понимают заботы Ельцина и особенно сейчас, после появления на российской политической сцене Жириновского, разделяют его беспокойство о будущем демократии в России, но не могут отказаться от права свободно определять политику своей страны.

В таком духе выдержаны статьи в польской прессе, посвященные этим проблемам. Некоторые прямо задают вопрос: надо ли бояться России? (Этот вопрос обсуждается, кстати, не только на страницах газет, но и на улицах, в магазинах, везде).

Особенно интересной кажется статья Леопольда Унгера, напе-

чатанная в «Газете Выборчей». Ее автор упрекает Запад в слепом равнодушии к тому, что происходит в Восточной Европе, говорит о катастрофических последствиях политики Клинтона, состоящей, якобы, в том, чтобы не мешать Ельцину реформировать Россию. Унгер подчеркивает, что, не забывая обо всех заслугах Ельцина для развития демократии в России (свободные выборы, свержение основ коммунизма), Запад не должен закрывать глаза на многие недемократические шаги Ельцина: закрытие журналов, роспуск и расстрел Парламента, отстранение оппозиции, за исключением Жириновского) от телевидения, преследование «черных» (этническая чистка?!) — изгнание из Москвы жителей Кавказа. Поэтому, пишет Унгер, необходимо задать наиболее существенный вопрос: не укрепит ли равнодушие Запада еще далекое от подлинной демократии русское общество в убеждении, что только диктатура позволит ему благополучно пережить все политические бури? И что будет, если диктатором этим будет не Ельцин? — спрашивает Унгер.

Такого развития событий боится поляки и ищут союзников. Поляки опасаются непредсказуемых поворотов в политике России и нерешительного поведения Запада, что может привести к нежелаемому Польшей перерасделу сфер влияния или — о чем говорит Жириновский — к установлению русско-немецкой границы на Висле.

В католическом журнале «Ты-годник Полшехнь», Витольд

Бересь пытается рассмотреть именно 21 вариант возможного политического поворота в Польше, расположенной между двумя державами, Россией и Германией, с которыми исторически отношения складывались по-разному. И в этой статье ставится вопрос: «Надо ли бояться России?» Витольд Бересь отвечает «да» и объясняет: только человек, лишенный инстинкта самосохранения, не боится того, кто сильнее его. Но, — продолжает он, — не могла ли независимая от Москвы Польша, официально связанная с Западом и мирно относящаяся к России, стать для нее, России, образцом, помогающим ускорить введение модели западной демократии? Бересь правильно замечает, что официальный прием Польши в НАТО, членом которого является Германия, мог бы устранить угрозу со стороны Германии и помочь России в ее стремлении к демократии.

По мнению Леха Валенсы, высказанном накануне натовской встречи в верхах, Запад не должен уклоняться от конкретного ответа на вопрос о безопасности в Европе, от определения роли НАТО в новой международной обстановке, а так же от определения политических и военных критериев принятия в НАТО новых членов, даже если бы против этого возражала Россия. Если Запад уклонится от таких решительных и конкретных решений, то угроза общеевропейской безопасности усилится. Валенса сказал, что Жириновский — это результат пассивности Запада.

Запад хочет быть осторож-

ным, а осторожность воспринимается как слабость. Польский лидер подчеркнул, что, вопреки некоторым популярным на Западе мнениям, Польша хочет вступить в НАТО не потому, что боится России, а потому, что это поможет ей сблизиться с Европой.. Польша не боится России, — сказал Валенса, — и не хочет от нее отгородиться; Польша не боится также, что Москва может ей что-нибудь навязывать. Мы видим в России партнера и ожидаем, что Россия будет к нам относиться как к партнеру.

Но, хотя заявления президента Валенсы полны оптимизма, по данным института исследований общественного мнения, на вопрос: «Надо ли бояться России?» — 70% поляков отвечают «да». Большинство поляков считает, что Россия представляет для Польши военную угрозу, 65% — что политическую, 53% — что экономическую. Большие опасения такого рода испытывают сорокалетние и пятидесятилетние граждане страны.

Какой России на самом деле опасаются поляки? Что такое советская Россия, поляки хорошо знают. Теперь поляки побаиваются не военного могущества своего восточного соседа, а, скорее, соблазна для России опять решать: кто, когда и с кем должен вступать в альянсы. Польша, будучи суверенным государством (таково же желание и других стран Варшавского договора), имеет право самостоятельно решать вопрос о своем будущем.

Леонид Прудовский

Какие болваны в Болвании водятся

Дорогие мои сограждане! Соотечественники. Братья и сестры.

Загадаю-ка я вам одну простенькую загадку: я сейчас перечислю десять признаков, можно сказать, десять составных частей целого, а вы, друзья мои, отгадайте-ка, о какой стране идет речь. Итак:

1. Два правых путча за три года.
2. Инфляция.
3. Обвальное падение производства.
4. Распад великой империи.
5. В армии зреет оппозиция демократии. Из числа бывших офицеров радикалы формируют свои боевые группы.
6. Составные части федерации идут на открытую конфронтацию с центром. Законы и указы на местах саботируются.
7. Открыто выходят газеты фашистского и погромного содержания.
8. Правосудие парализовано, и ультраправые либо вовсе избегают ответственности, либо приговариваются к символическим срокам заключения.
9. Армия пытается занять независимую позицию и постепенно становится реальной политической силой.
10. Демократы грызутся между собой.

Ну что, узнали? Правильно. Это — Германия середины двадцатых. Как видите, совпадение, как в знаменитой рекламе, с точностью до миллиметра.

Во многия знания много печали. Поэтому приход некоего господина, правда, без челки и усиков можно было предсказать еще год назад. И ведь предсказывали. Антифашистский центр кричал во всю силу своих

слабых легких. Недальновидные умники писали записки Президенту и в правительство. Дальновидные паковали чемоданы и уматывали к чертовой матери. Циничные умники воровали и складывали ворованное на зарубежные счета, а болваны делали вид, что ничего не происходит, и даже писали в газетах убаюкивающие статьи.

Примерно за полтора месяца до выборов мне взбрело в голову создать объединение "Журналисты против фашизма". Воровать я не умею, а уезжать не хочу. Потому решил я, что если государственные деятели, писатели и журналисты объединятся с одной утилитарной целью — скоординированно выступать против чиновников, милицейских, гебешных, прокурорских и судейских, прямо или косвенно потакающих нацистам и фашистам, то в результате такой скоординированной кампании в прессе, открытой и гласной, этих людей будут снимать с работы.

Я уж не говорю, что один очень известный журналист с громким именем, включившись поначалу в работу вместе со мной, вдруг в одночасье исчез, и застать его стало невозможным ни на работе, ни дома, и о том, что он жив, я мог судить лишь по появлению статей за его подписью — видно, ему просто наскучило это дело. Но!

Я стал собирать подписи под этим обращением к власти, наивно рассчитывая, что наши демократические журналисты уж непременно выступят против фашистов, и столкнулся с такими амбициями и самомнением, с такой вздорностью и скудоумием, что мне стало просто страшно.

Аргумент первый: мы личности, и ни в какой скоординированной кампании участвовать не собираемся.

Аргумент второй: мы — демократы, и потому обязаны уважать любую точку зрения. Хоть людоедскую. Предоставляли и будем предоставлять страницы (эфир) всем желающим, без учета политических убеждений и человеческих качеств.

Аргумент третий: а где вы видели у нас фашистов и нацистов?

Этим аргументация и исчерпывалась.

Впрочем, подписали очень многие весьма достойные и уважаемые люди, но и таких, кто отказался, было вполне достаточно.

Передо мной лежит список 89 изданий, сеющих злобу и ненависть. Большинство из них — периодические. С 1989 года они открыто распространяются по всей России. Правосудие ослепло и оглохло, властям не до фашистов, а наши самые демократические в мире журналисты оказались отъявленными болванами, не замечающими, что происходит у них под носом. Грустно, господа.

Но зато как теперь все всполошились, как заполнены и страницы и эфир фамилией господина без челки и усиков! Ах, проглядели, ах, он нас загипнотизировал (не нас, естественно, мы-то умные, а простой неграмотный народ), ах, какие просчеты совершили чиновники!

Ну, а мы-то? Или мы не озлобляли армию и милицию? Или не мы молчали, когда несправедливые суды оправдывали нацистов? Или не мы бросались наперебой осуждать Президента, осмелившегося употребить власть? Видно, импотентный и вялый правитель нам больше по вкусу!

Мы брезгливо воротили нос от коммунофашистских сборищ, предпочитая делать вид, что ничего этого нет, зато кричали на всех углах о защите права людоеда на полный рацион.

Что, господа болваны, похмелье пришло? А ведь и не похмелье пока. Это только легкая головная боль. А вот когда сторнники господина без челки и усиков завоюют большинство и на местных выборах, когда он его господина совершенно легитимно-народным волеизъявлением коронуют в Президенты — вот тогда будет похмелье. Такое похмелье, что и голова с плеч долой!

Но наши болваны тем и уникальны, что, видимо, не способны к обучению. И вот уже появляются вполне демократические болванские статьи о том, что и с людоедом можно сотрудничать, что он, мол, только говорит людоедские вещи, но пока еще никого не съел — авось и пронесет, и вообще, если присмотреться, то ведь без челки и усиков. И фамилия совсем другая.

А другие болваны, будто и не зная, что отрицательная реклама — тоже реклама, и зачастую более эффективная, чем хвалебная, заполонили фамилией господина без челки и усиков эфир и газеты, журналы и даже подоспевшие к сроку альманахи. Кажется, спусти воду в унитазае — оттуда зазвучит знакомая фамилия.

И вот в свете всего изложенного я хотел бы сделать два конкретных предложения, не лишенных, на мой взгляд, некоторого интереса: первое — господа журналисты, перестаньте быть болванами. Оглянитесь на себя и ужаснитесь той бешеной рекламе, какую сделали вы, сами того не подозревая, одному господину!

Перестаньте писать о нем. Совсем. Даже разоблачительные статьи — поверьте, его сторонники вас не читают, а те, кто читает, невольно заложат в подсознание тысячекратно повторенную фамилию.

И второе: господа депутаты — и демократические, и коммунистические — разве и вы болваны? Разве по пути вам с нацистами?

Если способны вы на поступок, если любовь к России есть еще в ваших сердцах и не застило ее безмерное властолюбие, устройте одному господину и его соратникам обструкцию. Не подавайте им руки. Не разговаривайте с ними, и уж тем более, не вступайте с людоедом в политические альянсы. А когда людоед без челки и усиков, или его сотрапезники будут выходить к микрофону, — просто покидайте зал. И делайте это демонстративно, чтобы вся страна видела, что в ее парламенте сидят не болваны!

У нее осталось —

„умри“

Валерия Ильинична Новодворская разразилась большой статьей об эмигрантах («Эмигрант — это банкрот», газета «Иностранец», №2, 1994 год).

Лично я, будучи эмигрантом, Валерию Ильиничну уважаю. Еще совсем девочкой, лет семнадцати, она на каком-то съезде или пленуме родной Партии сумела распространить свои прокламации. За что и поплатилась, побывав, и неоднократно, в дурдомах по решению Партии и Органов. Сейчас Валерия Новодворская состоит во главе Демсоюза.

Досталось в ее статье многим: князю Курбскому, части Белой Армии, которая погрузилась и отплыла в Константинополь, почти всей эмигрантской литературе первой волны, генералу Власову, а также Зиновьеву, Синявскому, Максимову, Солженищину, Буковскому и всей эмиграции после 1991 года, которая является, по ее словам, просто саранчой. Если коротко передать суть статьи, то Валерия Новодворская совершенно точно знает, что только смерть в борьбе за Россию и идеалы Демократического Союза является достойным концом жизни. А те, кто на это не идут, — крысы. Протоплазма. «1/6 часть суши была заселена беспозвоночной протоплазмой. Эмиграция — это тоже процесс миграции протоплазмы.. Так называемые экономические эмигранты — это трутни». И так далее.

Уважаемая Валерия Ильинична! Можете Вы допустить, что обычные люди, которые уехали или собираются уехать — совсем не борцы, они не умеют и не хотят умирать на баррикадах ни за какие идеи, а уж с безыдейных — что взять? Тем более, что Вы сами говорите: «В России, того гляди, начнут или стрелять, или вешать». Да потом и в Декларации Прав Человека, которую всегда чттили диссиденты, так прямо и написано: «Каждый человек имеет право покидать свою страну и право возвращаться в нее». Ведь так и

Америку и Австралию можно записать в страны трутней и протоплазмы — ведь они состоят сплошь из эмигрантов. Вот Вы пишете, что Солженицын, когда его лишили гражданства и везли в самолете на Запад, не бил стекла, обидно мне за Александра Исаевича. Ну, допустим, выбил бы он стекло иллюминатора и выбросился вниз. Так не написал бы «Красного колеса». А если бы Максимов пошел пешком назад на Родину под автоматные очереди пограничников, когда его лишили гражданства, не было бы «Континента». Для Вас лучшим примером «честного банкрота» является поэт Илья Габай, покончивший с собой, или Анатолий Марченко, которого большевики доконали в лагере. Каждый, на мой взгляд, сам выбирает себе путь в жизни. Неужели мало того, что Советская власть уничтожила миллионы? Или это тоже была протоплазма, миллионы наших сограждан?

Ладно, я — маленький человек, но вот Вы к Владимиру Буковскому имеете претензии: «Он хвастался тем, что у него в Англии хороший дом и сад, и колбасы, сигарет и мыла навалом, а Россия пусть пропадет, если не может бороться».

Я послал Буковскому копию статьи, знаете, что он ответил?

«...Право же, мне абсолютно наплевать, что она думает. Наш старый принцип — “умри, но дело сделай” она поняла по-своему, и у нее осталось — “умри”. Зачем, ради чего? Это ее не интересует. Марченко, между прочим, отлично понимал, зачем умер: благодаря его смерти, прекратилась горбачевская «гнуловка», и политзеклов стали освобождать без требования писать просьбу о помиловании и отказа от «антиобщественной деятельности». Да и смерть его была, скорее, случайностью, (уж точно не самоубийством). Точно никто не знает, но я подозреваю, что ему по ошибке вбухали питательную смесь в легкое при искусственном кормлении. Мне так однажды тоже вбухали в 35-ой зоне, но я выжил, поскольку был тогда много моложе и здоровее Толи.

Любопытно, что все ее рассуждения только подтверждают правильность моего отказа от российского гражданства: она ведь это последнее понимает, как страстную ночь с непременной смертью наутро, а не как «общественный контракт». Легко понять, какое государство только и может возникнуть при таком подходе к гражданству. У нее гражданин, как трутень у пчел, должен взлететь с маткой в небо и, слившись в экстазе, умереть. А гражданин должен быть рабочей пчелой, что трудится на благо своего улья и пользуется его теплом. И пока так не будет, ничего путного нельзя ждать и в России.

Ну, да что говорить. Ее дело не статьи писать, а ломать лбом ОМОН-овские дубинки...»

Мне добавить к этому нечего.

С уважением — Петр Плазмов.

Эрик Ершун:

...Я не верю в случайность времени и места.
Мне не очень интересно просто фиксировать
наличие физических объектов, констатируя
реальность их существования.

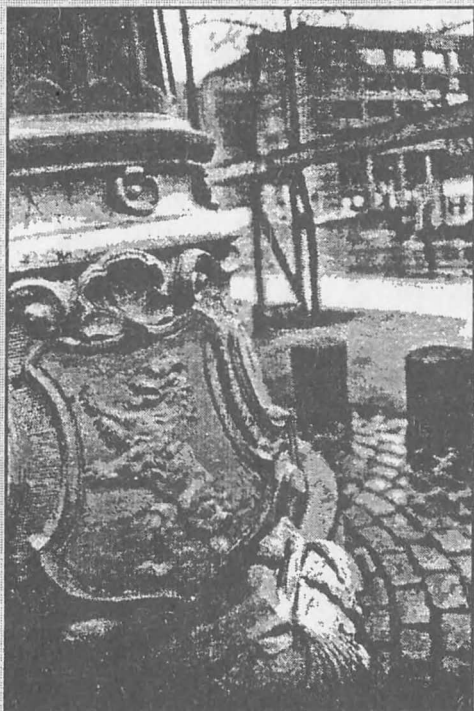
Мотивы, побуждающие людей самых различных
наклонностей вооружаться оптическими приборами
и останавливать время, весьма разнообразны.
Мне фотография всегда предоставляла возможность
выразить свое отношение к происходящему,
не прибегая к помощи слов...

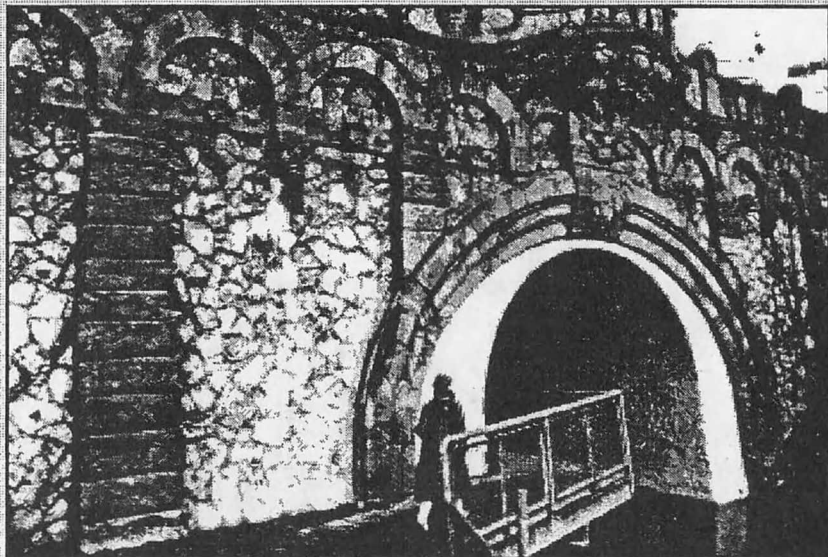
Berlin. Charlottenburg

Berlin. Friedrichstrasse

Berlin.
Wedding

Berlin. Charlottenburg

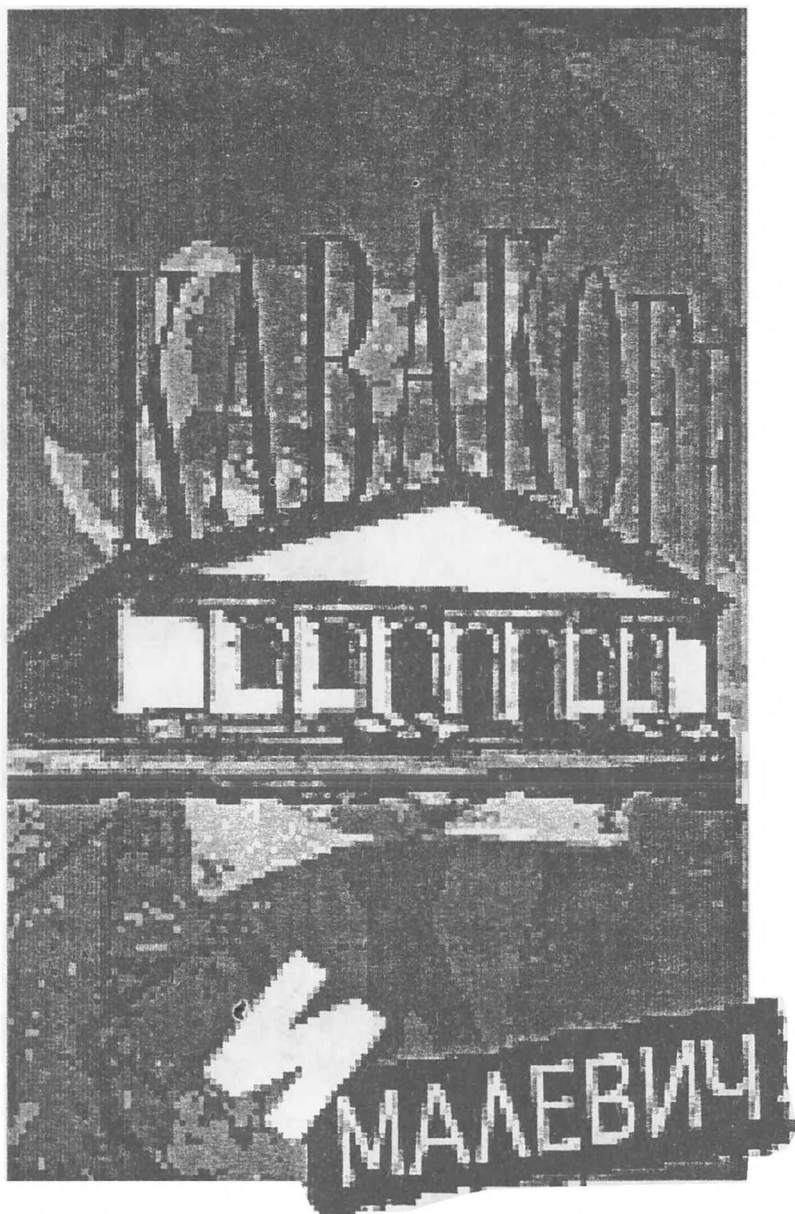
Berlin. Mitte

Berlin. Mitte

Berlin. Kurfurstendamm

Нео-Псевдеж

или

российский пир искусств во время экономической чумы

Кто бы мог поверить, что в грязной и дурно пахнущей даже в центре, криминогенной круглые сутки Москве будут цвести и расцветать все возможные виды изобразительного сада искусств. Однако, судя по количеству функционирующих, несмотря ни на что, галерей, выставок и музейных экспозиций, можно смело говорить о неизбывной любви россиян к этому не самому важному из искусств. А если вспомнить о неистовой по своей активности уличной торговле близ Центрального дома художников на Крымской набережной и огромной субботне-воскресной ярмарке всего и вся в Измайлово, плюс торговлишка с рук на нашем Арбатмартре, то Москву можно смело считать мировым центром арт-бизнеса.

В октябре прошла в Манеже плановая ярмарка "АРТ-МИФ-93". Манеж обветшал, облез и выглядит изнутри и снаружи, как старая конюшня разорившегося барина. Но вы бы видели его в дни этого самого МИФА. Центр Помпиду! Кельнская и Франкфуртская ярмарки вместе взятые! Горящие глаза художников и галеристов, напряженные лица устроителей, бульканье вин, аромат закусок и женских духов на презентациях... Мировая тусовка! Из Берлина приехала строгая Ева Пол и выставила очередные ГУЛАГизмы

Максима Кантора. Из Нью-Йорка прибыл компаньон Нахамкина Натан Берман и тоже выставил "наших", осевших в Сохо. Прибыли галеристы из ближнего зарубежья — из Риги, Казани, "с Киева" и т.д. Только не нужно никого спрашивать о результатах этой самой МИФической суеты. Ни художники, ни галеристы, ни даже информированные устроители ничего вразумительного вам не скажут. И все по разным причинам.

Казалось бы, успех налицо. Состоялся даже аукцион "Сотбис" №2. Жовиальный Питер Баткин растряс российских толстосумов на несколько сотен тысяч зеленых, и целые 10% от этой суммы должны пойти на реставрацию многострадального Манежа. Чего же лучше? Я же думаю, что ничего хуже, чем этот псевдоаукцион и придумать нельзя. Торговли, то есть соревнования и соответствующего роста цен, — просто не получилось, хотя стартовые цифры были очень скромными, а в некоторых случаях и явно заниженными. Отбор произведений на аукцион был вообще какой-то тайный и невразумительный, а вернее, темный. 63 лота представляли собой (за небольшим исключением) очень средний уровень советского искусства-93. Темен был и сам процесс аукционного выколачивания денег. Официальных участников

соревнования, по свидетельству одного из организаторов, Инны Крымовой, было чуть ли не 50 человек, хотя я и те, кто там был, насчитали в лучшем случае десяток. Но и этот десяток не столько играл сам, сколько Питер Баткин играл с ним, как веселый кот с грустными вилыми мышками. Несколько раз разговорчивый аукционист-конферансье (и это заметили многие) поднимал цены произвольно, не видя поднятой конкурирующей руки с номером. Баткин просто называл следующую цифру и аккуратно стучал молотком — «Продано!», поздравлял очередного представителя московского банка с приобретением неведомого шедевра. Когда же в самом конце этого странного действия за 250 тысяч долларов был продан черный реанимобиль лично товарища Леонида Ильича Брежнева с несуществующей нагрузкой в виде белой фигуры «Спящей красавицы», изваянной А.Якутом, то общий восторг достиг апогея, хотя тут лучше бы подошел неологизм «апофигей».

Это же очень патриотично — продавать «богатым россиянам» российское искусство. Хватит вывозить! Начнем ввозить и, глядишь, дело пойдет не хуже, чем на московском аукционе антиквариата «Альфа-Арт», где какой-нибудь второсортный натюрморт К.Коровина, требующий немедленной реставрации, или далеко не лучший пейзаж Айвазовского с луной, кораблком и морем в Гаграх уходят в три, пять, а то и в десять раз дороже, чем в состарившейся и ко всему привыкшей Европе. Ударим аукционами всех искусств по бескультурью советских нуворишек!

Зашел я как-то в декабре 93-го в Центральный дом художников и наткнулся на богато оформленный плакат (светящийся!) «Первого русского банка»: «Вернем богатству достоинство!». Постолл-понедоумевал над этической тайной этого благородного лозунга и пошел смотреть спонсированную

банком выставку некой Натальи Корнеевой. Увы, сладенькая эстетическая самоделательность Натальи оказалась под стать свежей банковской этике. Подумал в сердцах: меценаты хреновы! Раз уж сами не соображаете, во что деньги ввалить, так хоть специалистов поспрашайте. Ведь еще Пушкин писал: «Хоть умного себе возьми секретаря». Не оскудела обильная наша земля талантами и регулярно рождает художников «от Москвы до самых до окраин». Но вот беда: хозяин на то искусство никак не находится и не скоро найдется, потому что и в своем-то торгово-промышленно-сырьевом деле он часто не столько профессионал и культурный предприниматель, сколько суетливый хапальщик. Соответственно и с искусством желает разобраться по-быстрому и организовать излучную жизнь с выпивкой и икебаной в слабо освещенном интерьере.

Побывал я недавно в таком. Неподалеку от театра Советской Армии (Октябрьский переулок 3). Называется все это предприятие, разместившееся в свежестроенном двухэтажном здании, Центр культуры «Россия». Во дворе из грязного снега торчит ржавая пластика профессионального скульптора Алексея Григорьева. И это бы еще куда ни шло. Леша как-нибудь сваривать железо умеет, и не будь его произведений так много в этом ли дворе или в берлинском дворе рядом с музеем Берлинской стены Райнера Гильдебрандта, все бы смотрелось еще лучше. Но не об этом производителем мастере сказ, а о Центре культуры. Только ступив за порог оного, понимаешь, как же дивно цветут у нас все цветы. Рядом с баром висят картинки, глянув на которые, ни в чай, ни в кофе сахар добавлять уже не надо. На втором этаже размещен мусорный салончик: иконки современные, липкие шкатулочки, пейзажики, скульптурки блестящие да изгибистые (высокая эротика), и при

всем при этом девочка стоит, объясняющая, кто да что, да почему.

Завела меня в этот культурный корреспондентский радиостанции "Эхо Москвы", а потом повинулась: не знала, мол, что там все так красотой унавожено, была давно, когда пусто было, потому и хотела сосватать чуть ли не консультантом. Эх, Таня, добрая душой! Вот и хорошо, что не сосватала. Свято место пусто не бывает. Нашел богатый человек девочку со вкусом и наполняет теремок ее ласковыми ручками. Исполать ему — пусть помещенатствует в период первоначального накопления капитала. Глядишь, через поколение-другое вырастет в семье потомственный Щукин или Морозов и перекупит в Кельне или Алахене у наследников Людвиги наши шедевры от Малевича до Кабакова. Мы в Москве тогда свою масштабную экспозицию откроем с банкетом и happening'ом на благоустроенной Манежной площади. К тому времени (примерно в середине XXI века, не раньше) и у нас появится хотя бы один музей современного искусства. Подрастут какие-нибудь русскоязычные искусствоведы, т.е. пишущие не на птичьем языке, которые не будут сосредотачиваться на одном андеграунде и великом концептуализме всех времен и народов Кабакове, а если и выставляют последнего (что будет справедливо), то назовут выставку посвелее, чем в "скучном Кельне": "От Малевича до Кабакова — один шаг", например. Если бы шагов было больше, то в паузе можно было бы поместить не только одного "шестидесятника" Н.Андронова (людвиговцы дали его в виде "Автопортрета в гробу", призовокупив для разнообразия еще и пейзаж), а и других хороших и разных.

И не только "шестидесятников". Если считать привычными искусствоведческими десятками, то до середины XXI века, начиная с 60-ти и 70-ти "десятилетий", наберется целых девять "десятилетий". То-то будет

пожива для глаз и умов почтеннейшей российской публики.

Кстати, эту отдаленную выставку можно уже сейчас начать формировать, так как именно сейчас в новой Третьяковке (бывшей "Королевке") все на той же Крымской набережной проходит выставка "Шестидесятники в девяностые". Иностранцам эту арифметическую терминологию не понять. Ну да не до них. Нам бы самим понять, что явлено. Некогда большой спец по всем вопросам от сельского хозяйства до культуры — Никита Сергеевич Хрущев — покрикивал на многих "шестидесятников" и ручкой помахивал. А ныне конфузия вышла:

не попали наши постаревшие мэтры в андеграунд. В Академию художеств — без проблем. Кого еще не пустили, скоро пустят. А вот в андеграунд, да чтоб в промежуток между Малевичем и Кабаковым — ни-ни. Есть другие, ранее и продолжительнее гонимые, а теперь проживающие подальше от своей "вонькой" (термин В.Клюхельбекера) родины. Их и надо двигать, вкладывая шоколадные и прочие капиталы. А наши мэтры — "суровые" или слепка понежнеевшие — пусть висят у нас. Европе они без надобности. Может, грянет когда-нибудь новая "катастрофа", мир снова возбудится по нашему поводу и докупит, устроив новые "СОТБИС"овские аукционы.

А пока бурли, моя Москва сама в себе! Плоди галереи и галерейки! Вынашивай искусство будущего на переломе веков и не жди для своей культуры гуманитарной помощи от Сороса или еще какого-нибудь благодетеля. Эта возделенная помощь уже распределена по хитрому списку шустрými мальчишками и девочками, пишущими в новый-треновый, современный-премодерновый "Художественный журнал". Но об этом как-нибудь в другой раз.

Эдуард Дорожкин

Грехопадение

...Что я еще могу сказать? Да ничего. Российская интеллигенция снова облажалась — этим все сказано. (Для тех, кто от подобных выражений отвык, объясню: «облажалась» значит — соврала, ошиблась, села в лужу). Мягкотельные тургеневские интеллигенты давным-давно исчезли из российской жизни. Равно, как и тургеневские барышни давным-давно сменили профессию. Вместо вздохов и „Ах, оставьте...“ — „Пошевеливайся! За час уплочено“. „Совесть нации“ решила вдруг, что если Жириновский (пусть это будет собирательный образ) выступает на трибуне и народ ему верит, то ей, совести, самое время повременить. „Настал момент подумать о теле, в частности, и о талантом — вообще“, — проартикулировали с небывалой для них ясностью и резвостью люди российского искусства. Проартикулировали и, не откладывая дело в долгий ящик, посвятили себя трудам, славы хоть и не приносящим, но денежным.

Одно радует: интеллигент — существо умное, поэтому оконча-

тельно «совесть нации» перепрофилироваться не стала. Зачем ходить далеко, если вот она — под боком — золотая жила? «Мое искусство — мой товар», — идея только для России новая, везде же опробованная и принятая. «Resu», — как говорят французы.

Одно «но» не учел наш «золотой фонд». Спрос — штука тонкая. То он есть, то его нету. А кушать интеллигенту хочется всегда. «Поэт ведь тоже человек», — это уже не французы, это поэт-пародист Александр Иванов. Приходится меняться, следить, так сказать, «за спросом». Интеллектуальные «верхи», чтобы, как любят сами они выражаться, «прокормиться», готовы хоть мать родную прозакласть, хоть по центру Москвы нагишом пробежаться. Словом, на все готовы.

Здесь речь идет, естественно, не о том, что «цвет нации» обслуживает интересы «массового потребителя», «низов». Ни в коем случае — напротив, призвание интеллигенции как раз в том и состоит, чтобы кормить народ той пищей, к которой он привычен и

которая в горле у него не застрянет. Речь о другом — о том, какая, собственно, пища не застрянет в горле потребителя. О том, кто формирует «мнение народное», кто руководит, кто распоряжается его «личными пристрастиями».

Гадать не надо: поводырь прежний — интеллигенция. Только вот с каждым днем рука ее все слабеет, все больше сил уходит на «совместительство» — на «основное место работы». Народ чувствует себя обманутым, будто бы его заманили и бросили.

За примером далеко ходить не надо. Недавно на страницах журнала «Столица» развернулась интересная дискуссия: академик Сергей Аверинцев (по общему мнению, человек достойнейший) упрекал ректора Литературного института им. А.М.Горького писателя Сергея Есина (человека тоже весьма уважаемого) в том, что тот допустил, чтобы „пункт по обмену валюты распахнул свое многоприбыльное окошечко в считанных метрах от мемориальной доски в честь великого Осипа Мандельштама“. (Речь идет о здании Литинститута на Тверском бульваре). Сергей Есин ответил достойно: не потому мы это допустили, что с жиру бесимся, а потому, что от голода помираем. В сущности, на этом разговор о том, стоило ли «допускать менял в храм словесности», можно было бы и завершить — против необходимости не попрешь. Но хочется поинтересоваться: какая (и у каких людей?) должна быть необходимость, чтобы ради нее можно было бы пожертвовать Мандельштамом? И еще вопрос:

какого отношения к Мандельштаму и к русской поэзии вообще ждуг сотрудники и студенты Литинститута, если у них самих это отношение хромает?..

В декабре прошлого года Галине Волчек — художественному руководителю театра «Современник» — исполнилось шестьдесят лет. Если еще существуют в России уважаемые люди, то Волчек — среди них. Это как бы не требует доказательств. И вот идет в «Современнике» юбилейный вечер. В зале — бомонд. На сцене — бомонд еще больший. Все не просто хорошо, все — замечательно. Зал хохочет... — нет, зал стонет от смеха. Ругают Жириновского, хвалят Волчек. Все так, как должно быть в компании приличных людей.

Вдруг смех обрывается. На сцене — Филипп Киркоров, певец. Певец достаточно известный, певец неплохой. Но «неплохой» — еще не повод появляться на сцене «Современника». Во всяком случае, так полагают верные «современниковцы» — среди них почитателей Киркорова точно нет. Тем удивительнее было узнать, что, оказывается, Киркоров — желанный гость Галины Борисовны. То есть, откровенная «попса» любима русским психологическим театром. Чуть? Чуть!

Но что поделаешь, г-жа Волчек забыла, кажется, о том, что одно слово, брошенное с подмостков «Современника» значит куда больше, чем целая речь, произнесенная с трибуны Дворца съездов.

И ведь будет — будет! — Галина Волчек зазывать потом на свои премьеры. И ведь никто —

никто! — не пойдет на них. Галина Борисовна будет плакать и рассказывать корреспонденту какой-нибудь «Независимой газеты»: „Ах, народ опустился. Ах, народ опошлится. Ах, народ смотрит американские боевики вместо того, чтобы ходить в мой театр! Ах, нас затирают!“ Интересно, вспомнит ли Галина Борисовна, как откровенно вульгарно, как некстати смотрелась на сцене этого самого «Современника» дочка Аллы Борисовны Пугачевой, певица Кристина Орбакайте, приглашенная главным образом потому, что сын Галины Борисовны Денис Евстигнеев снимал „с Кристиночкой“ клип?

«Семейственность» — так это, по крайней мере, называлось в застойные времена.

Сразу оговорюсь: я — «за». За рабочие династии и за продолжение традиций. Но наследственность, как известно, бывает и хорошей, и дурной. Не будем обманывать себя: даже в династии Романовых сын частенько оказывался глупее отца, чем в очередной раз и доводил Россию «до ручки».

Искусство не кормит нынче только тех, кто не умеет им правильно пользоваться. Но таких «неприспособленцев» становится с каждым днем все меньше. В пору новую «Красную книгу» заводить... Остальные живут припеваючи, выжимая из своего имени максимум возможного.

Кто у нас главный «клипмейкер»? Совершенно справедливо — Федор Бондарчук. Сын того самого, что поставил эпохальную

«Войну и мир». Кто у него в главных помощниках и приятелях? Антон Табаков, сын знаменитого нашего Сальери. Кто ведет знаменитую передачу «Лото МИЛЛИОН»? Степан Михалков — сын Никиты Михалкова и Анастасии Вертинской.

И снова задачка. У кого больше шансов попасть на Берлинский кинофестиваль: у талантливого человека «со стороны» или у дочери «живого классика советского кино» Александра Зархи? Вот и идет по Москве слух, что Нина Зархи — блестящий стилист и «безупречный знаток советского и зарубежного кинематографа».

Кто, скажите на милость, ходит нынче в «молодых талантливых драматургах», о ком говорят на всех телевизионных углах? О некоем Максиме Стишове. Кто такой? Получая очередной номер «Искусства кино», в списках редколлегии всегда вижу ласкающее взор сочетание — «Стишова Е.М. ведущий редактор». Уж не бабушка ли молодого гения? А может быть, дочь?..

Но своего апофеоза принцип «приемственности поколений» достиг даже не в кино, а в театре. В знаменитом МХАТЕ им. А.П.Чехова. Это кто у нас играет вместе с Вячеславом Невинным в премьерном спектакле «Блаженный остров»? Уж не Вячеслав ли Вячеславович? А кто в спектакле «Урок женам» исполняет роль «Энрика, друга Оронта»? Уж не чадо ли народного артиста России Владлена Давыдова? Да и сама постановка (заметим — одна из лучших в прошедшем сезоне)

осуществлена не кем-нибудь, а самим М.О.Ефремовым. Знакомо? Он же, кстати, и Вольфганг Амадей Моцарт в «Амадее», и Чацкий в «Горе от ума», и Аркадин в «Чайке». Самое забавное в этом, что Михаил Ефремов — актер на самом деле талантливый, и режиссер из него выйдет ранга Р.Виктюка. Но мне это понятно, зрители же перешептываются в фойе: „папенькин сыночек“. Забывая, что и сама «Чайка» написана «под Книппер-Чехову». А впрочем, они могут этого и не знать.

Попалась мне тут на глаза газета «Богема». Славная такая газетка — ну абсолютно ничего богемного. Авторы красочно расписывают, в каком бедственном положении оказалась российская интеллигенция, как ей плохо и как все ее обижают. Как никто не приласкает и не пожалеет. Почитал я, почитал... И стало мне смешно. Я вспомнил своего друга-художника, развезжающего на «Мерседесе» по Москве и на «Люфтганзе» по миру. Я вспомнил своего друга-литератора, строящего нехилый особнячок под Москвой. Я вспомнил своего друга-музыканта, обосновавшегося в Голландии и зарабатывающего огромные деньги. Я вспомнил, сколько премий было вручено в прошлом году, сколько стипендий назначено (в том числе и германских), сколько творческо-коммерческих проектов реализовано. Демонстрировать тугонабитый кошелек не стоит, но и про нищету петь куплеты тоже незачем. Вообще — незачем врать.

Видимо, деньги и впрямь

развращают человеческую душу.

К примеру, Роман Виктюк — безусловно, самый талантливый, самый сильный московский режиссер. Всю жизнь обитал в коммуналке, теперь переехал в бывшую квартиру Василия Сталина на Тверской. Разбогател, раздобыл. Я бы сказал, разомлел. Чем, как не состоянием отрешенности от мира сего, как не «негой» можно объяснить такую его выходку: в одном из выпусков бульварной газеты «Новый взгляд» Роман Григорьевич рассказал, как известные актрисы — Маргарита Терехова, Валентина Талызина и Нина Дробышева — выкрадывали для него из провинциальных библиотек «ценные книги». Как после этого Валентина Талызина играет в виктюковской «Царской охоте» царицу Екатерину Вторую не знаю. Я бы не смог. Стало бы стыдно перед двухтысячным залом.

Как ни странно, ни Терехову, ни Талызицу, ни Дробышеву сказанное Виктюком не возмутило — никто не поспешил опровергнуть клевету. если это клевета, никто не поспешил найти себе оправдание, если это правда.

И не надо ругать зрителей за то, что они воруют в театре им. Моссовета туалетную бумагу — сами такие. Первый-то кто начал?

Содержание

Как появился остров. Вместо предисловия.	2
Послесловие к предисловию.	3
Лев Копелев. Обмен духовными ценностями.	5
Белла Ахмадулина. Два стихотворения.	7
Виктор Соснора. Интимная сага.	10
Вернисаж «Острова»: Светлана Каминская.	20
Лев Рубинштейн. Из дневных занятий.	26
Вячеслав Сысоев. Дорогой дедушка...	29
Татьяна Щербина. Прощай, прощай, поэзия.	33
Евгений Попов. Горячее сердце.	35
Странные совпадения.	38
Светлана Васильева. Вечная Жена Чекиста.	43
Кира Сапгир. Ткань жизни. Главы из романа.	49
Лена Кешман. Молитва о дожде.	55
Илья Смирнов. Битва с дураками.	60
Майя Лакосте. Надо ли бояться России?	64
Леонид Прудовский. Какие болваны в Болвании водятся.	67
Петр Плазмов. У нее осталось — «умри».	70
Вернисаж «Острова»: Эрик Ершун.	72
Вильям Мейланд. Нео-Псевдеж или...	77
Эдуард Дорожкин. Грехопадение.	80

Все публикуемые в альманахе «Остров» материалы являются эксклюзивными или полученными непосредственно от авторов.

ДРУЗЬЯ!

Только фирма «Геликон» обладает эксклюзивным правом распространять новый альманах «**Остров**».

В 1995 году он будет продаваться ежеквартально:
цена одного номера — 8.90 Дт.

Подписка проводится уже сейчас.

Любое Ваше дельное предложение по содержанию и распространению альманаха будет учтено.

Ждем Ваших писем и заявок.

Подписано в печать 28.06.94 г. Формат 60×90¹/₁₆. Усл. п. л. 5,5.
Тираж 1000 экз. Зак. 669.

Книготорговая фирма «Геликон», г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Отпечатано с оригинал-макета
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, г. Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Книга — почтой:

«ГЕЛИКОН»

*Русские книги, видео- и аудиокассеты
Подписка на российские газеты
и журналы*

Дорогие друзья!

Русско-немецкая фирма «Геликон» предлагает Вам свои услуги.

Мы располагаем неограниченными возможностями по продаже в странах Запада русских книг, видео- и аудиокассет. Можем достать для Вас практически любую видеокассету или книгу, изданную в России за последние годы (срок выполнения индивидуального заказа 1—3 месяца, цена — договорная).

Принимаем подписку на любые еженедельные и ежемесячные издания, выходящие в России и обеспечиваем быструю их доставку с любого номера. Таких быстрых и квалифицированных услуг по столь умеренным ценам никто на Западе никогда не предлагал.

Тот, кто оформляет у нас заказ впервые, получает бесплатно сочинения Агаты Кристи в 5 томах.

Обращайтесь по адресу:

GELIKON

Krokusstr. 18, D-82216 Maisach, Germany

Tel.: 08141 / 90243

Каталог высылаем по первому вашему требованию, бесплатно.

УСЛОВИЯ ЗАКАЗА, ПЕРЕСЫЛКИ, ОПЛАТЫ

Заказы можно производить как по телефону, так и в письменном виде: письмом или открыткой. Цены в бюллетене, а также итоговая сумма на наших счетах указаны в немецких марках. Пересылка за счет заказчика.

Оплату выполненного заказа просим производить только по получении нашего счета, указывая при этом его номер.

Частные лица оплачивают наши счета в течение недели со дня получения книг:

- а) чеками в валюте вашей страны
- б) почтовыми переводами
- в) банковскими переводами.

Книги можно вернуть в течение 1 недели после их получения в случае:

- обнаружения дефекта
- получения их не в соответствии с заказом.

За повреждения, нанесенные книгам в результате небрежной почтовой доставки, фирма ответственности не несет.

ДОРОГИЕ ЛЮБИТЕЛИ РУССКОЙ КНИГИ!!!

В Потсдаме на Аллеештрассе 10 для Вас открыт магазин

„Русские книги“

Более пяти тысяч наименований книг.

Новинки поступают практически еженедельно.

Цены равны московским

(в среднем составляют 5-6 DM)

то есть в 3-4 раза дешевле, чем в любом другом магазине русской книги в Германии.

Работают букинистический отдел и отдел заказов.

Всегда свежие газеты.

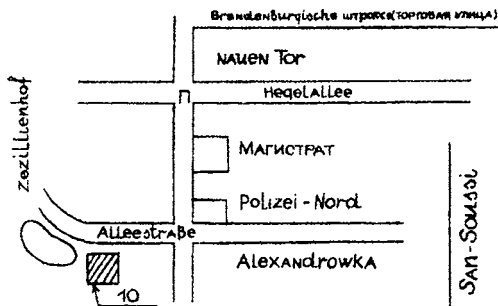
Продаются видеокассеты —

практически со всеми русскими фильмами,

а также аудиокассеты русской классической и эстрадной музыки.

Звоните нам : 0172/ 315 31 58

Найти нас легко:

Наш почтовый адрес: **Russische Bücher**
Alleestraße 10
14469 Potsdam

